

Комбат Найтов

Шесть степеней свободы

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Комбат Найтов

Шесть степеней свободы

Серия «Военная фантастика (АСТ)»

Серия «Второй помощник», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69825067

Аннотация

Офицер – подводник, попавший в тело второго помощника капитана теплохода «Гайсма», стал командиром 1-й гвардейской дивизии ПЛО Беломорской флотилии Северного флота. Дивизия отведена из Норвегии под Архангельск для переоборудования и ремонта. Комдива вызвали в Москву, в Кремль. Там он получает предложение, от которого не может отказаться...

Содержание

Глава 1. Москва, Кремль, в августе 43-го	5
Глава 2. Три «сумасшедших» недели	19
Глава 3. Первые дни в новой должности	37
Глава 4. «Хозяин» шести «спецкомитетов», которых еще нет	57
Глава 5. Приключения с «носителем»	77
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Комбат Найтов

Шесть степеней свободы

* * *

Глава 1. Москва, Кремль, в августе 43-го

– Товарищ адмирал, самолет к вылету готов. Прошу в салон. – старший сержант Котов пожал протянутую мной руку, и сделал приглашающий жест, показывая на трап Ли-2ВП, ночного бомбардировщика, недавно переделанного в штабной. Илья Котов был известным полярным летчиком и ледовым разведчиком. Повоевать ему пришлось не слишком долго, еще в мае 1942-го он был отозван с фронта обратно в ГлавСевМорПуть, и лишь, когда дивизия ПЛО начала эпопею по освоению северных районов Баренцева и Норвежского морей, он попросился сам в дивизию, и, после долгих и трудных переговоров с Папаниным, в индивидуальном порядке ему этот переход разрешили. Натаскивал молодежь на сложные метеоусловия. Ну, а теперь «начальство возит» и серьезные документы. Помимо самого комдива, в Москву летело еще 15 человек, не только офицеров, но служащих и гражданских. Такими okazиями всегда все пользовались. Три – три с половиной часа, и ты в Москве, а поездом двое-трое суток будешь добираться.

Пассажиры находились уже на борту, и ожидали только Сергея Ивановича. Тридцатидвухлетний командир корабля проводил адмирала в штурманскую рубку, которая в таких

случаях использовалась для размещения «начальства», становилась штабным салоном. Весь полет я провел выверяя тексты, и выкладывая их в нужном порядке. Сталин не любил «неподготовленных бумажек» и «неподготовленных докладов».

На Центральном связался с начальником орготдела и уточнил время приема. До приема еще было время, но регистрироваться в ГШФ я не поехал. Вызывали не они, так что – обойдутся. Зашел в «Националь» поужинать, там коммерческий ресторан существовал, где принимались не только деньги, но и талоны на питание и даже валюта, с очень неплохой кухней, а оттуда в комендатуру Кремля, за пропуском. Постоянного пропуска у меня туда не было. До приема оставалось полчаса, поэтому можно было не торопясь пройти до Большого дворца. Поздний вечер, поэтому «парадный» вход во дворец закрыт, трижды пришлось предъявлять выписанный пропуск. Сюда попасть было достаточно сложно! Это не 1918 год, время военное, лампасами, погонами и даже звездами Героя здесь никого не удивишь. Все посты парные, а у небольших ворот с ажурной решеткой между Большим дворцом и Оружейной палатой целых шесть человек. Мне туда. Так как пропуск разовый, то меня проводили до следующего поста. Еще две проверки документов, теперь вместо солдат и сержантов – младшие офицеры, один из которых проводил меня наверх.

– Проходите, товарищ адмирал!

Здесь уже представляться не требовалось, но пропуск отмечает именно товарищ Поскребышев.

– Присаживайтесь, товарищ Станкявичус.

Сама процедура таких «приглашений» не слишком приятна, так как заранее неизвестно: о чем пойдет речь. Расспрашивать у секретаря здесь не принято. Флотских в приемной не видно.

«Да, прибыл. Хорошо.» – сказал секретарь по телефону, а затем мне:

– Проходите, товарищ Станкявичус.

– Товарищ Сталин, контр-адмирал Станкявичус прибыл по Вашему приказанию! – похоже, что меня собрались снимать, здесь в кабинете собрался практически весь Военный Совет флота и «союзники».

– Доложите о причинах потери опытовой лодки «С-127» Вашей дивизии. Мне докладывают, что Вы приказали провести, без согласования с командованием флота и Главным штабом флота, разведывательную операцию в районе Нарвика.

– Так точно, товарищ Сталин. Мною был получен приказ командующего 14-й армии обеспечить эвакуацию из Астафьорда разведгруппы 6-й пехотной дивизии норвежской армии. В оперативном отношении моя дивизия придана 14-й армии, вот приказ её командующего генерал-лейтенанта Щербакова. Дополнительно генерал Щербаков просил разведать подходы к новой немецкой башенной батарее «Тео»,

калибром 406 мм, строительство которой заканчивается на мысе Тронденес. Она прикрывает проход к крупной авиабазе немцев в Энденесе, авиабаза Нарвика. Учитывая специфику района было решено задействовать трофейную лодку «U-127», под командованием капитана III ранга Столбова, в паре с опытовой лодкой «К-3», под командованием кап-2 Малафеева. Столбов успешно снял разведгруппу, Малафеев был вынужден отказаться от прохода между батареей и островом Къёйя, так как немцы заблокировали там проход минными постановками. На отходе отряд был взят на сопровождение эскадрилей 2-го гвардейского ИАП, однако был атакован новейшим патрульным самолетом PB4Y-2 ВМС США, бортовой номер «Z2+6»¹, который был сбит гвардии полковником Сафоновым, после того, как не отреагировал на предупредительный огонь его «Кинг Кобры», и сбросил целую серию глубинных бомб на «С-127». В результате атаки на лодке был притоплен центральный пост, нарушено полностью управление лодкой, четыре моряка погибли, шестеро ранены. Лодку пришлось торпедировать, тем не менее, разведгруппа была успешно доставлена, ими был захвачен и вывезен главный инженер строящегося подземного завода по производству тяжелой воды. Нами доставлены снимки недостроенной батареи «Тео». На основе этих данных 14-я армия основное внимание уделила не военно-морской, а воен-

---

¹ Такой номер нес первый летный экземпляр PB4Y-2 «Privateer», взлетевший в марте 1943 года.

но-воздушной базе Нарвика. Именно этим объясняется попытка сорвать доставку этих людей в Ёкс.

– Союзники утверждают, что ваши люди не стали подбирать экипаж сбитого самолета.

– Да, гвардии капитан II ранга Малафеев не стал рисковать и подходить к парашютистам. Лодка была сильно перегружена, на борту находилось очень много людей, и не было известно: сколько таких самолетов было послано уничтожить разведгруппу. Мной был подан рапорт о происшествии по линии отдела «СМЕРШ» дивизии. Ответа я пока не получил, для меня же совершенно понятен такой «интерес» «союзников», в кавычках, остановить наше наступление в том районе. Теперь я знаю, что такое «Проект... – и тут я увидел запрещающий жест Сталина.

– Это хорошо, что вы знаете... – сказал Сталин и замолчал. Встал с кресла, достал из кармана трубку и чиркнул спичкой по зажатому в подставке на столе коробку. Раскурил трубку, выпустив большое облако дыма, и сказал:

– Переведите. Мы выслушали объяснение командира дивизии, корабли которой совершали разведывательные действия в районе норвежского города Нарвик. В рапортах его командиров прямо указывается, что самолет Соединенных Штатов нанес преднамеренный удар по подводной лодке СССР и был сбит после сброса им глубинных бомб. Лодки прикрывала эскадрилья истребителей американского производства, силуэты которых хорошо знакомы летчикам США.

Командир оставшейся на плаву второй субмарины из-за перегруза, недостатка воды и продовольствия, не стал оказывать помощь летчикам ВМС США, но сообщил их координаты командованию ВВС Северного флота. Прилетевшая «Каталина» обнаружила одного мертвого борт-стрелка Томаса Мэтью, тело которого было доставлено в Тромсё и передано американскому представителю майору Риду Скотту. Норвежский инженер Лейф Тронстад действительно был доставлен на освобожденную территорию Норвегии, и, после допроса, был отпущен. Мы с норвежцами не воюем, господин генерал Итон. Где он находится сейчас – нам неизвестно. Полагаю, господин военный атташе, что вопрос исчерпан, соответствующая нота НКВД СССР будет передана американской стороне завтра. В ней мы будем вынуждены указать на недопустимость таких намеренных действий против наших кораблей в зоне ведения нами боевых действий в составе антигитлеровской коалиции.

– Господин Сталин, я приношу вам свои извинения, я просто выполнял свои обязанности. В результате действий вашей авиации погиб полностью экипаж американского бомбардировщика.

– По его собственной вине, господин атташе.

– Да, мы это выяснили. Еще раз благодарю вас, господин Сталин. – все представители «союзников» вышли из кабинета. Теперь оставшиеся возьмутся за меня! Начал Рогов, член Военного совета.

– Товарищ Станкявичус, почему не доложили мне о происшествии?

– Тащ генерал-полковник, информировать лично Вас мне никто не поручал, я отношусь к командному составу, думаю, что соответствующие рапорты заместители командиров лодок по политчасти направили по вашей линии. Не проверял, ибо не моя стихия. В самый пик разбирательства, через день после моего обращения в СМЕРШ, все корабли дивизии приказом ГлавМорштаба были сняты с позиций и направлены на ремонт и переоборудование. В районе боевых действий остались только несколько эскадрилий противолодочной авиации, входящих в дивизию. С момента происшествия прошло одиннадцать суток. Главштаб меня сюда не вызывал.

– Мы пересылали вам приказание информировать нас о ходе операции.

– Приказ такой поступал на имя начальника штаба дивизии контр-адмирала Фокина, который базируется в Альт-фьорде. Командный пункт дивизии находился Ёксе, куда линии ВЧ пока не проведены, и, видимо, уже проведены не будут, 14-я армия достаточно неплохо продвигается вперед. Ёкс – уже глубокий тыл. Сам я, до окончания отделом СМЕРШ расследования причин и места утечки информации по ходу операции, никаких выводов пока не делаю. Мои подчиненные сделали все возможное и невозможное, чтобы провести эту операцию и выполнить приказ командования.

Кто раскрыл американцам место ордера – я не знаю. Это произошло не на уровне узлов связи дивизии и приданных воинских частей, и не на уровне штаба флотилии. Это работа либо агента, либо дурака, с длинным языком. Судя по реакции Москвы, утечка произошла здесь.

– На каком основании Вы делаете такое заявление? – тут же среагировал нарком Кузнецов.

– На том основании, что нами была получена вот эта кодограмма за двумя подписями: докладывать в главный штаб о ходе операции. Дело в том, что ни норвежцы, ни генерал Щербаков не знали ничего о составе сил, посланных мной снять их разведгруппу. Запрос об этом пришел из Москвы, по линии ГШФ, товарищ нарком, за вашей подписью. Пришел не мне, а контр-адмиралу Фокину, которого вы, лично, перевели в мою дивизию начальником штаба. То есть, кто-то попросил вас узнать о ходе и составе сил «малозначительной» разведывательной операции. Все это, в том числе мои подозрения, я изложил в своей докладной записке отделу СМЕРШ. Вот пусть они и разбираются. Операция, сама по себе, носила очень рутинный характер: требовалось снять пять человек и одного пленного. Для выполнения второго задания я направил в этот район другую лодку. Действовали норвежцы отлично, и массированное прочесывание местности немцам не помогло, не там искали. Отличительных знаков на рубке у «С-127» не было. «Девятка» и «девятка». Она и была выбрана мной именно поэтому, чтобы немцы трево-

ги не подняли. Отошли мои люди абсолютно чисто. Из района никаких радиogramм не давали. Однократно передали из района Анденеса условный сигнал, и скрытно вышли в район ожидания. Этот район постоянно патрулируется нашими самолетами. Там лодки всплыли, а через четыре часа их атаковали. Причем, американцы. А человек, которого вывозили мои люди, имеет отношение к тому самому «вундерваффе», «чудо-оружию», и действительно очень много знает об этом проекте. Для того, чтобы он не попал в наши руки, товарищ нарком, вас и использовали.

– Меня?

– Вас. А вы – Фокина, в темную. Я узнал о том, что поход двух моих лодок «пасут» из Москвы, только после случившегося. Еще раз повторяю: это – рутина, обычный разведывательный выход. По отлаженной схеме. Мы в Тромсё так ходили, и имели там отличные результаты. Активность немцев в этом районе околонулевая. Есть еще несколько вопросов к вам по части передачи сведений англо-американцам по нашим вооружениям: зачем вы притащили к нам на борт адмирала Фрейзера? Вы же в курсе, что все разработки, которые я веду, имеют высшую форму секретности. Ни у кого в мире нет таких бомбометов, таких боевых пловцов, никто не атакует торпедами с больших высот. Зачем давать подсказки их разработчикам? Времена, когда нам требовалась помощь англо-американцев, давно канули в лету. Они давно, уже два года, только мешают нам своим присутстви-

ем в высоких широтах. Это – наше море, и норвеги должны стать нашими союзниками, а не союзниками американцев. Я не стал говорить при американцах, что они готовят нам «подарок», большой подарок.

– Ви это хотели сделать, адмирал! Я вам не позволил этого. – последовала реплика вождя.

– Напрасно, товарищ Сталин. Далеко не все американцы считают «проект Манхеттен» своевременным и необходимым. Они не все ястребы. Итон – «ястреб». Вот пусть бы и поднял переполох, что русским известно о проекте. И теперь они не только название проекта знают, но и те сложности, которые его преследуют.

– Мы поговорим об этом позже, адмирал. Не в этом составе. Товарищи моряки, вы – свободны. И обсудите на Вашем совете то, что вы сейчас услышали. Но, без участия вице-адмирала Станкявичуса. Его действия, и действия его подчиненных, будут особо отмечены Ставкой. Присаживайтесь, товарищ адмирал. Остальные – свободны.

Я не скажу, что произошедшее мне очень понравилось, готовился я поднимать совершенно другие вопросы, но пришлось «наехать» на наркома, впрочем, он вполне заслуженно сейчас немного огребет, так как он и Головки несколько берега потеряли. Да, части морской пехоты, точнее, спешенные моряки, проявили себя в боях на всех участках фронта, а вот «флотская составляющая» далеко не блистала! Сказывалась общая техническая отсталость средств обнаружения: нехват-

ка локаторов, гидролокаторов, эхопеленгаторы на всех кораблях были жутко устаревшими. О проблемах подводного флота я уже просто молчу. Хотя, на отдельных направлениях, советская наука была впереди планеты всей, я это о системах жизнеобеспечения говорю: в реальной истории к 1943-му году наши лодки имели самую большую подводную автономность, до 15 суток, тогда как противник мог продержаться под водой не более 3–5 суток. Они решили эти проблемы на полтора-два года позже. И высотное торпедометание родилось именно в Советском Союзе, но его зачем-то передали американцам. Передал тот самый легендарный нарком Кузнецов. Это мне сильно напоминает один неприятный эпизод 90-х годов, когда в Америку ушли наши военные разработки по сверхзвуковым самолетам с укороченным и вертикальным взлетом (Як-41М), БОРам и ПОРам, Бурану. Мы, к сожалению, ничему не учимся на ошибках прошлого! Кузнецов и Со так же верили в дружбу народов Америки и Великобритании с СССР, как и Ельцин, с компанией всяких путиных, верили в то, что их «примут в золотой миллиард», может быть не всех, только «избранных», так сказать, «элиту», но примут. Да вы им на фиг не нужны! Вот и приходится вспоминать наставления маршала Воронова, и перемалывать «мечтателей о кружевных трусиках» 6-тидюймовками.

Пока члены Военного совета флота собирали бумажки и выходили, я, честно говоря, думал об этом, глядя на их недовольные лица. Голос Сталина вернул меня в этот мир.

– Вы присутствовали на допросе Лейфа Тронстада?

– Да, присутствовал.

– Ваши впечатления? Он сейчас в Москве, пытаемся привлечь его к работе.

– Был очень сильно напуган, кстати, там, видимо, не все чисто по отношению к нашим военнопленным, основной рабочей силой на строительстве были они. Рекомендую давить на это, тем более, что завод и концлагерь наши войска, скорее всего, уже освободили. Пока не услышал русские голоса в лодке, считал, что его выкрали американцы или англичане. Много знает о немецком Uranprojekt Kernwaffenprojekt. Первого февраля прошлого года в Лейпциге закончилась сборка «урановой машины».

– Что это такое?

– Насколько я понял, это устройство для нагревания воды без использования внешней энергии, товарищ Сталин.

– Что это им даст?

– Как минимум, подводную лодку или надводный корабль неограниченного радиуса действий.

– Неплохая идея. Но речь, вроде, шла о создании оружия.

– Да, подобное устройство может быть использовано и в этих целях. Этим занимается в Германии некто доктор Тринкс. Второй завод по производству тяжелой воды потребовался для обеспечения работ по созданию «водородной бомбы». Они хотят реализовать какой-то сложный процесс, в котором слоями будут располагать высокообогащен-

ный уран и тяжелую или сверхтяжелую воду. Доктор Тронстад утверждает, что расчеты показывают, что возможно извлечение энергии в виде взрыва, мощностью до миллиона тонн тротила².

– Огромная мощность. Но вернемся к кораблям. Это Тронстад говорил о кораблях?

– Нет, это я подумал о том, что подобное устройство можно использовать для получения пара и электричества, в том числе, на кораблях и подводных лодках.

– Интересная идея! А что если вам этим и заняться, товарищ Станкявичус? У вас есть в дивизии человек, способный вас заменить в качестве командира единственной, пока, дивизии ПЛО.

– Специально я такого человека не готовил, хотя такие люди в дивизии есть. Единственное, мне бы хотелось немного потренировать нового командира. Есть сложности из-за разнородности сил.

– Мне бы хотелось, чтобы вы шире подошли к этому вопросу. Вы же прекрасно понимаете, насколько изменит мир идущая сейчас война! У нас есть несколько концепций развития военно-морского флота СССР, но все они обращены в прошлое, в довоенные времена. А в Германии с 1939-го года активно занимаются ураном, с недавних времен к этому во-

---

² Этот проект был осуществлен в Советском Союзе академиками Харитоном и Сахаровым. Так называемая «одноступенчатая термоядерная бомба» или «слойка». Бомба называлась РДС-6С, 1953 год.

просу подключились американцы и мы. Произошло это почти одновременно, так как к нам поступили сведения о том, что Америка начала эти разработки. Вашу позицию о том, что рано или поздно мы из союзников превратимся в противников, я поддерживаю абсолютно. Это исторически обусловлено, товарищ Станкявичус, и мы должны избавляться от тех, кто этого не понимает, особенно в руководстве страны. Много времени дать вам не могу, но в течение трех недель подготовьте себе замену и предоставьте мне подробную записку о вашем видении проблем флота и его развития. Поздравляю вас с присвоением звания вице-адмирал!

– Служу Советскому Союзу!

Глава 2. Три «сумасшедших» недели

На выходе меня попросил задержаться Александр Николаевич, который каким-то образом уже знал о принятых у него за спиной решениях или у них есть какой-то условный сигнал об этом. Через, буквально, 15 минут мне принесли подписанные приказы о присвоении нового звания и о переводе меня в распоряжение Государственного комитета обороны. Кроме того, мне было предоставлено право собственноручно внести звание, фамилию и инициалы моего преемника, правда, с «маленькой» поправкой: «и.о.», а утверждать будут три Военных совета: флотилии, флота и ГШФ. А «друзей» у меня там накопилось! Не пересчитать! Иосиф Виссарионович еще их подобрал: Указом Президиума Верховного Совета СССР, закрытым, наградил обоих командиров лодок и меня «полководческими» орденами Суворова второй и первой степени, сразу выполнив свое обещание «отметить». Все три штуки выдали мне, с поручением вручить от имени Верховного Совета.

На выходе из тех самых ворот меня поджидал капитан I ранга Кулаков, бывший дивизионный комиссар, бывший контр-адмирал, бывший начальник политического управления КЧФ, находящийся в распоряжении Главного политиче-

ского управления РККФ за героическое утопление лидеров «Ташкент» и «Харьков», двух эсминцев: «Беспощадный» и «Способный» и части отряда торпедных катеров. Одновременно вышли из строя все крейсера, кроме одного. Именно из-за этого Кузнецов и «сватал» меня на крейсера ЧФ совсем недавно. Сталин поснимал с должностей там всех. ГПУ флота по этому поводу молчало, как партизан на допросе! А меня желает видеть и немедленно.

– К сожалению, не имею времени для пустых разговоров. Сдаю дела и имею поручение Верховного Совета. – я сунул под нос, оторопевшему от моей наглости, капризу удостоверение члена ГКО СССР, и сел в, предоставленный секретариатом Сталина, автомобиль. Через полчаса штабной самолет Ильи Котова уже начал набирать высоту. Ну его к черту этот Военный Совет! Теперь у меня несколько другое положение, я буду курировать весь военно-морской флот со стороны Комитета Обороны. Полномочий у меня – хоть отбавляй, крутись, как хочешь! В любом направлении! Шесть степеней свободы. Одно маленькое «но»: результатом должен быть «результат», иначе и до Колымы можешь не доехать.

– Куда так торопимся, тащ контр-адмирал? – спросил, вышедший из кабины после набора высоты, Илья.

– Домой, Спиридонич, домой. Правда, ненадолго, и где будет этот дом пока неясно. А обращаться ко мне теперь надо «товарищ вице-адмирал».

– Не зря слетали! Поздравляю! Что, переводят? И куда?

– В Москву, говорят, что ходить в море теперь не для меня.

– Это плохо! Человек должен заниматься любимым делом.

– Так-то оно так, с флота меня не снимают, просто решили поручить мне заняться его дальнейшим развитием, убрать причины поражений сорок третьего.

– Так мы, вроде, наступали, и успешно, тащ адмирал.

– Наступали, успешно, Спиридоныч. Вот только не везде. Черноморский флот полностью отведен с линии соприкосновения, приказом Верховного. Запрещены любые операции из-за высокого уровня потерь. Противник перебросил в Крым 8-й авиакорпус, нанес серьезные потери и повреждения действующим кораблям, сумел остановить наступление на Тамани. Чуть не сбросил в воду десант под Новороссийском. В общем, Сталин рвет и мечет, а тут у нас потеря образовалась, вот Военный Совет флота и решил меня в качестве козла отпущения выставить, лодку-то нам утопить пришлось! Знаешь?

– Про «127-ю»? Знаю, конечно. Обидно получилось...

– Обидно! Не то слово. Мы ее захватили, из Белушней губы через стамухи в Маточкином Шаре протащили, две лодки по пути утопили, но довели. Переоборудовали, холили-лелеяли, а американцы по ней бомбами прошлись, чисто из-за то, что мы их сразу сбивать не стали. «Союзнички», мать их за ногу! Такие друзья, что врагов иметь не надо!

– И куда вас направляют? На Черноморский?

– Нет, в Москву, в Государственный Комитет Оборона.

– Ого! Поздравляю, товарищ вице-адмирал! Очень высокая оценка ваших усилий!

– Наших, наших усилий. Вся дивизия старалась, каждый на своем месте.

– Но руководили нашими усилиями вы. Большинство придумок – ваши. Я, когда узнал, что вы начали подготовку людей к полетам в высоких широтах, специально слетал в Иокангу, заглянул в штурманский класс и понял, что мне самому требуется пройти через такой, хотя я к тому времени уже десять лет командиром корабля на Севере летал. Отличное оборудование и очень нужное в этих местах! И свою «Василису Петровну» – Илья любовно похлопал по переборке кабины, – сразу поставил на переоборудование, чтобы расположить все приемоиндикаторы, а в носовой обтекатель установили Гнейс-2. Говорят, точно не знаю, что это вы потребовали от промышленности их выпуска.

– Было такое. Приходилось и этим заниматься, Илья. У нас же ничего не было, с чем надо летать в этих широтах. Сам же помнишь, чем был оборудован «АНТ-35».

– Да, летали путем опроса местных жителей: медведей и моржей. – улыбнулся «старый» полярный летчик. – Теперь – красота! Я, вон, на автопилот машину поставил, второй только следит за приборами. А мы с вами бол... беседуем. Ши-

пит, конечно, но курс и высоту держит!³ Чайку?

– Нет, спасибо. Пару часиков требуется придавить. По-спать в Архаре не удастся, слишком много дел.

– Тогда я пойду, отдохайте, Сергей Иванович.

Но в Архангельске я приказал водителю отвезти меня «домой». Несмотря на мои попытки войти максимально тихо и не разбудить Елену, мне это не удалось. Едва я повернул ключ в замке, открылась внутренняя дверь и у меня на шее повисла подруга.

– Осторожно, упадем! – шепнул я ей, в перерывах между поцелуями.

– Я машину услышала. – Хотя я остановил ее в двух домах от дверей, – Потом калитка скрипнула, а затем ты вставил ключ в замок.

– Ты у меня разведчица! Тебя не проведешь! Сделай мне кофейку, я из Москвы привез. «Мокко», настоящий, в «Национале» в «ИнТорге» купил.

– Сереженька, я – мигом!

Я поднялся на второй этаж, снял с себя все, и в одних трусах вышел во двор в душ: деревянную постройку с большой черной бочкой на крыше. Пока я споласкивался, на дверях появился крючок вешалки. Лена принесла мой комбинезон.

Мы уселись на кухне, где под бутерброды и кофе я рассказал ей вкратце: что произошло в Москве. Неожиданно это

---

³ В те времена исполнительными механизмами в автопилотах служили пневматические гидроцилиндры.

вызвало слезы на ее лице.

– Ты чего ревешь?

– Ты только что сказал, что через три недели уезжаешь в Москву.

– Да, но уезжаем мы вместе.

– Правда?

– Правда. ЗАГСы когда открываются?

– В восемь.

– У нас есть два часа, мы еще успеем это отметить в другом месте, в спальне. Ты согласна стать моей женой?

Ответа не последовало, она просто перебралась ко мне на колени, и завтрак пришлось заканчивать. В 08.10 15 августа 1943 года отдел ЗАГС Ломоносовского района на улице Сталинских Ударников (набережной Северной Двины), напротив ресторана, в котором работала Лена, зарегистрировал наш брак.

– Подожди! – сказала супруга, выйдя из ЗАГСа, перебежала через улицу, постучалась в закрытую дверь ресторана, что-то сказала выглянувшему сторожу, чмокнула его в щеку, и побежала обратно.

– Я сказала, что не приду сегодня и заказала нам столик на восемь часов.

– Тебя уволят за прогул. – рассмеялся я.

– Не уволят, по закону не имеют права. Сегодня – мой день. – она подхватила меня под руку, и мы пошли в штаб, где сообщили о случившемся. Судя по всему, ресторан се-

годня будет работать только на личный состав дивизии. Отправив супругу домой, я приступил к своим обязанностям. Мой выбор пал на капитана II ранга Сея, командира дивизиона эскадренных миноносцев. Именно ему я решил передать, пусть и в должности «И.О.», командование дивизией. Мне этот человек нравился своим серьезным отношением к подготовке личного состава. Плюс абсолютно уверенным командованием, как на переходах, так и в бою. На счету эсминцев дивизии 14 потопленных подводных лодок противника, четыре эсминца, и 18 «стотонников». Кроме того, они захватили 2 транспорта. На abordаж взяли. Я Сея выделил давно, еще во время второго похода в Маточкин Шар, да и во время проведения десанта в Коббхолмене его «Осмотрительный» действовал великолепно. Сразу после боя в квадрате 70–31, он и получил дивизион под свое командование. Так что руки вполне надежные, к тому же Герой Советского Союза, так что, скорее всего, сможет удержаться на должности.

– Виталий Алексеевич, зайдите ко мне, пожалуйста. – по телефону я приказал начальнику штаба.

– Разрешите, тащ вице-адмирал? – я уже успел сменить погоны, и принять кучу поздравлений из-за этого.

– Проходите, Виталий Алексеевич. Ознакомьтесь. – я протянул ему приказ, подписанный Сталиным, куда я вписал имя капитана 2-го ранга Сея Александра Борисовича. Фокин, прочитав это, несколько удивленно взглянул на меня, видимо считал, что дивизию передадут ему.

– А почему именно он? Мы же вместе с вами формировали дивизию.

– Именно поэтому, Виталий Алексеевич. Организационными вопросами вы владеете значительно лучше Сея, а в бою я вас не видел, вам же запрещены выходы в море по состоянию здоровья. Вы уже переросли должность командира дивизии. Ваш уровень – минимум эскадра или флотилия. А молодежь пусть растет. Вызовите его из Молотовска, и начнем передачу дел. Меня уже загрузили по линии ГКО, требуется подготовить довольно большой и серьезный документ за эти три недели. Времени у меня в обрез. Так что, сегодня отгуляем, отпразднуем свадьбу, звание и награды, и за работу! Кроме того, в обед состоится награждение командиров ПЛ «К-3» и «С-127», вызовите их, вместе с экипажами на построение у здания штаба флотилии. Вручать поручено мне, присутствовать будет адмирал Кучеров, наш штаб и штаб флотилии. Прошу Вас обеспечить это мероприятие.

– Есть! И куда Вас переводят?

– В Москву, в распоряжение Государственного Комитета Обороны.

– Надо же! Ничего себе: «шажок»! Тут из Москвы пришло сообщение, что к нам вылетает нарком. Именно к нам.

– Когда будет?

– В 15 часов.

– Черт возьми, как «вовремя».

– Что-нибудь не так?

– Есть маленько! Поругались мы с ним в кабинете Сталина.

– Это Вы напрасно сделали.

– Выхода не было. Нас с Вами обвинили в том, что мы провели операцию под Нарвиком без согласования со штабом флота и ГШФ.

– Они что, с дуба рухнули?

– Вот именно. Нам теперь каждый чих требуется предварительно согласовывать с ГШФ. Ну, а я задал вопрос о том: на каком основании Кузнецов привел на секретные корабли адмирала Фрейзера, и кто передал американцам данные о районе ожидания.

– Ой, что будет!

– А ничего не будет, мне поручили разработку концепции развития флота.

– Кто?

– Я, кроме Сталина, ни с кем в Москве не встречался. И отказался прибыть в Главный Штаб на заседание Военного Совета. Так Сталин приказал: разбираться без меня.

– Я Вас понял, Сергей Иванович, но документы по этой операции я все подготавливаю, на всякий случай. Разрешите идти?

– Да, пожалуйста! И... – Виталий Алексеевич положил руку на сердце и указательный палец другой руки поперек губ. Он прекрасно понимал, во что мы вляпались.

В тот день события просто галопировали и мелькали, как

в калейдоскопе. Едва успел немного поговорить с Сеем, его требовалось настроить на взаимодействие всех сил и самое серьезное обучение личного состава: все орудия на всех кораблях становились «универсальными», что значительно повышало плотность зенитного огня при атаках авиации противника, но повышало расход боезапаса, а, следовательно, требовались корабли снабжения и перегрузка его в море. Соответственно, требовалось упаковывать все для этой операции. А промышленность еще не готова к выпуску такой продукции, и кораблей такого типа корабель СССР еще не строят. Жаль, конечно, все это передавать в другие руки, но с этим уже ничего не сделать. Мы еще не закончили, когда поступила команда выходить на построение. Весь личный состав штаба, за исключением вахты, на автомашинах направился к штабу флотилии. Не каждый день командиры лодок награждаются такими орденами! Вторая степень Суворова предназначалась для командиров корпусов, дивизий и бригад, то есть нас всех троих наградили на степень выше. Даже если считать обе субмарины кораблями I ранга, тогда как «С-127» крейсером не считалась. А мне так дали «армейского», «флотского» масштаба.⁴ Так что, ценного «гуся» доставили и сорвали строительство завода, и термоядерной

---

⁴ В Реальной истории отмечено всего 4 таких случая, когда комдивам давали первую степень. Один такой зафиксирован в декабре 1943 года за организацию перелета в Тегеран советской делегации во главе со Сталиным комдив генерал-майор Грачев, пилот самолета, на котором летел «сам», получил первую степень этого ордена. Остальные вручались за Берлинскую операцию.

«слойки». Интересно, как наградят разведчиков, Флейшера и Щербакова? Думаю, что не обидят!

После награждения контр-адмирал Кучеров и я, со своим преемником, начальниками штабов флотилии и дивизии переместились в Талаги, куда прилетал нарком флота. Он, кстати, местный, архангельский. Встречу организовали отлично! Оркестр, почетный караул, салютная пушка. Все четко по правилам, это – флотские традиции. Я, как назло, самый старший по званию. А нарком прилетел не один, село сразу три самолета, так что трясти будут дивизию, мама-негорюй. Но Кучеров, как старший по должности, взял на себя встречу дорогого гостя. Протопала рота Почетного караула, 65 старших офицеров прибыло вместе с наркомом. Как только оркестр прошел вслед за караулом, нарком направился ко мне. Нас в шеренге не так много, всего семь человек, включая Малафеева и Столбова. Первым подошел ко мне, выслушал мой доклад, опустил руку и протянул ее для рукопожатия. Пришлось рывком стягивать белую перчатку с руки, слава богу, она не застряла на руке.

– Здравия желаю, Николай Герасимович.

– Кому передаёте дивизию?

– Командиру дивизиона эскадренных миноносцев капитану II ранга Сею. Кап-два Сей, выйти из строя!

– Есть! – он стоял четвертым, – Товарищ адмирал флота! Капитан второго ранга Сей, представляюсь по поводу назначения исполняющим обязанности командира 1-й гвардей-

ской дивизии ПЛО.

– Как зовут?

– Александр Борисович.

– За что получили? – нарком глазами показал на «звезду Героя».

– За потопление двух эсминцев типа «Z» в сентябре прошлого года.

– Припоминаю. Отличная кандидатура, товарищ вице-адмирал. Вы же «Артёмом» командовали? – спросил нарком у Сея.

– Так точно. Был его последним командиром.

– Сидоров вас тоже хвалил.

Начальнику штаба нарком просто пожал руку, Демидов, начПО, интереса у наркома не вызвал, а наших «крутых» орденоносцев нарком поздравлял довольно долго. Столбов, по простоте душевной, и слил информацию о том, что сегодня ресторан «Двина» будет местом базирования всего офицерского состава дивизии. И про поводы для этого.

– Ну, это если ваш командир меня пригласит на эти торжества. – уклончиво сказал Кузнецов.

– Почему нет? Милости прошу. – ответил я.

Нарком отказался ехать в штаб флотилии, известив нас всех, что в первую очередь хочет посетить Молотовск и ремонтирующиеся корабли. Сел в автомобиль и довольно быстро мы очутились в Двинском поселке, где шло строительство моста через Кузнечиху и туда мог пристать автомо-

бильный паром флотилии. Нет, чтобы сесть в Васьково! На пароме Кузнецов выгнал из машины всех, и подозревал меня.

– Сергей Иванович, вы не могли бы мне объяснить: мы, вроде, никогда с вами не ссорились, чем вызвана ваша бурная реакция в Кремле? Испытываете ко мне личную неприязнь? Вы же понимаете, что наговорили такого, что хоть снимай погоны и сам иди в трибунал.

– Никакой личной неприязни, Николай Герасимович, не было и нет. Мы с вами прекрасно ладили и работали, но за секретность производства нового вооружения и его испытаний персонально отвечаю я. Да, это сильно интересуется англо-американскую, и не только, разведки. Зимой прошлого года Фрейзер пытался попасть на «Иокангу», я ему этой возможности не предоставил, хотя командуящий флотом и ГШФ почему-то разрешили этот визит. Выкручиваться пришлось мне одному. Англо-американцы на этом не успокоились, и кто-то дал нам команду прийти в Гамерфест, и туда же прислали «Кинг Джорджа», откуда прибыли вы, Головки и адмирал Фрейзер со своими «специалистами». Я что, должен был поперек трапа ложиться и открывать огонь на поражение? Мне пришлось вас пустить на корабль! Не было бы с вами Фрейзера, да заходите и смотрите, спрашивайте обо всем. У вас все допуски есть.

– Они наши союзники и делятся с нами всем. У меня приказ Верховного: не допускать недовольства нами командованием флота Метрополии и представителей Соединенных

Штатов.

– Но вы же слышали, что сказал «сам» по этому поводу? Соединенные Штаты в тайне от нас, и даже англичан, изготавливают новое оружие огромной разрушительной силы. Такие же работы ведет Германия. И мы начали подготовку к этим работам. Поэтому я вынужден оставить все, что сделано здесь, и приступить к работе в Москве, в составе ГКО.

– И какие функции вы будете исполнять в составе ГКО?

– Я пока не знаю: имею ли я право кому-нибудь что-то говорить по этому поводу.

– Это будет иметь отношение к флоту?

– Да, конечно. Все мои работы, так или иначе, связаны с флотом. В данный момент меня просили подготовить свои предложения по развитию флота. Пока только это.

– Этим у нас занимается адмирал Галлер.

– Я знаю, но мне приказал Верховный, и уточнил, на что необходимо обратить особое внимание. Планы ГШФ его не слишком устраивают. Пока от меня хотят увидеть и услышать именно мою концепцию дальнейшего развития флота.

– Я надеюсь, что вы согласуете с отделом строительства новых кораблей свои предложения?

– Только в случае их утверждения. Кто будет утверждать – мне пока неизвестно. Возможно, что это будет отдел Главного штаба, но вполне может быть, что Иосиф Виссарионович подберет для этого других людей. Мне сказали, что есть какой-то комитет. Ни как он называется, ни: кто в нем со-

стоит, мне неведомо.

– Трудный вы человек, Сергей Иванович.

– В данный момент времени это – самый большой секрет государства, Николай Герасимович, если даже вы, нарком, об этом ничего не знаете. Меня пригласили только потому, что я узнал кое-что об этом проекте, возможно для того, чтобы я раньше времени об этом никому не рассказал. Увы, мне известно только о том, что происходит на той стороне линии фронта и за океаном. Ну, а так как у меня получилось в кратчайшие сроки создать лучшую в мире систему противолодочной обороны, то и последовало предложение попробовать себя в новом качестве. Единственное «но», таким темпом я опоздаю на собственную свадьбу. До Молотовска мы будем добираться три часа, и три часа обратно. Плюс там стоят двадцать четыре корабля дивизии, еще двенадцать в разных местах Архангельска, может быть, начнем осмотр с этих кораблей?

– Хорошо, командуйте.

Я вышел из машины и поднялся в рубку. Паром изменил курс, и мы направились вниз по реке на Соломбальскую верфь. По всей видимости нарком приехал только за этим, но инспекционная команда еще долго находилась здесь, проверяя дивизию полностью. Сам нарком через двое суток улетел в Геленджик, где заканчивалась подготовка к очередному десанту.

Но на свадьбу он пришел. Встретили его офицеры оваци-

ями. Ему еще и сорока нет, официально он 1902 года, но на самом деле – 1904. Труса не празднует, вместе с Буденным прорывался в Крым по над самой водой в момент Крымской катастрофы 1942-го. Сумел организовать какую-никакую эвакуацию с Керченского полуострова остатков 44-й, 47-й и 51-й армий в количестве 140 тысяч человек, с четырьмя дивизионами «катюш» и шестью артиллерийскими батареями. Это, конечно, крохи. Тяжелое вооружение, в основном, было потеряно, во многом благодаря тому, что удержать небо над Керченским проливом ни флотская, ни армейская авиация не смогли. Флот понес просто неприличные потери. Снабжение трех армий, находящихся в Крыму, было сорвано. В общем, «потому, что в кузнице не было гвоздя!». А присвоить себе успехи на Севере не удалось. Да, именно он поддержал меня в моем «диалоге» с авиаторами. Но класс в Иоканге он ведь так и не посетил. Нет ни на одном из флотов таких классов. Флотская авиация получает пополнение из обычных летных училищ, а полков, где в большом количестве остался довоенный личный состав очень и очень немного. Вот и страдает взаимодействие. Требуется летать днем и ночью, создавать навигационные системы, приводы, и учить, учить и еще раз учить людей. На поток у них поставлена только взлет-посадка. С этим – проблем особых нет, а навигации и целенаведению там не учат. Флотские училища сейчас практически не работают. Освоен другой способ получения необходимых кадров: корабли поступают в основ-

ном по ленд-лизу. Учат на них в Колдбей, оттуда на ТОФ, а с ТОФа – по флотам. В Ахтубинске и в Баку готовят, в основном, командиров взводов в морскую пехоту. Только со второй половины следующего года об этом вспомнят, и создадут несколько училищ, в том числе, и мою «альма-матер»: Ленинградское военно-морское подготовительное. Мне же, с должности комдива, этот узелок не развязать, вот и пришлось рубить. И вообще, мне сейчас требуется сидеть не за праздничным столом, а у секретчиков стучать по клавишам «Ремингтона». Дома с этим работать нельзя. Не будем забывать о том, что Архангельск свободно посещают военнослужащие иностранных флотов и армий. И нарком привез с собой целую шоблу проверяющих. Вполне вероятен вариант, что кто-то из них и сливает все куда надо. В то, что Кузнецов – «агент ЦРУ», я не верю. Это, скорее всего, кто-то из его адъютантов. А «церберов» у меня в дивизии нет. Мы сейчас с Еленой отсутствуем, целуемся под хмельное «Горько», запросто могут нанести визит и прошерстить дом. Успехов! Там ничего нет.

С утра я уже был в штабе, заперся в комнате «особого отдела», и 18 дней занимался только тем, что строчил на машинке, чертил схемы, рисовал общие виды и разрезы. Затем упаковывал все бумаги, уничтожал «копирки», в присутствии начальника отдела или его дежурных, печатывал это личной печатью и запирал в несгораемый шкаф, который тоже печатывал. Так серьезно я к этому делу никогда не от-

носился, хотя работал и с более серьезными документами, но в другое время. Там с меня требовали соблюдать секретность. Через 18 дней, с тем, чтобы иметь хоть немного времени обустроиться в Москве, я воспользовался тем же самолетом, чтобы вывезти эти бумаги, личные вещи, и то, что захватила с собой супруга на первое время из Архангельска. В основном все осталось в доме, его опечатали и вычеркнули из списков под заселение. Это – «наша крепость», если все пойдет криво, а это запросто может быть, чтобы было куда вернуться, если жив останусь. Ну или Елене было бы куда вернуться. Кроме нас, дом могут вскрыть ее родители, тоже если будут живы. Скорее всего с ними ничего не случится: активность боевых действий в советском секторе Арктики нулевая. Немцев мы оттуда выбили и выжали.

Глава 3. Первые дни в новой должности

Сразу с квартирой ГКО помочь не мог, Москва просто забита, как военными, так и промышленниками. Получили ордер на комнату в коммуналке на Знаменке (улице Фрунзе), где помимо нас проживало еще 12 человек. А еще в этом доме жил один замечательный и знаменитый человек: генерал-майор Михаил Дмитриевич Бонч-Бруевич, начальник управления геодезии, с которым мы познакомились и подружились. Ему я подсунул идею создания «Чайки», познакомив его с системой «Лоран» и аппаратурой для ее приема. А генерал занимался геодезией и аэрофотосъемкой с 1925 года. Он моментально уловил, какие это несет выгоды его ведомству. В отличие от меня, он в Москве чувствовал себя как рыба в воде. Был вхож в любые кабинеты, сам он готовил октябрьское восстание в Петрограде, а его брат был личным секретарем Ленина. Через него удалось протолкнуть идею создания сети станций по всему Северу, вдоль железнодорожных магистралей и, в дальнейшем, на Черном и Балтийском морях. Станции должны были использовать частоты отличные от ЛОРАН, но иметь возможность работать с ними, быть трехканальными. Кроме ЛОРАНа, в те же ворота был забит мяч «Альфы», сверхдлинноволновой РНС даль-

него действия. Себе же я оставил создание подсетей «Микро-Альфы», «Микро-Марса» и «Микро-Чайки», так как все необходимое для этого сидело у меня в голове с 1978 года.

Но, это случилось несколько позже. В день прилета меня принял первый заместитель председателя ГКО Вячеслав Михайлович Молотов. Именно он был первым заместителем председателя ГКО. Председателем был Сталин. У нас «история» всегда отличалась «неточностью». В ней Молотов числится автором-соавтором «Пакта Риббентроп-Молотов» и наркомом Иностранных Дел. Это не совсем верно. Да, Молотов занимал пост наркома Иностранных дел, по совместительству. Главной его должностью была эта. И до войны он с 19 декабря 30-го года возглавлял советское правительство до 6 мая 1941 года. Пост первого заместителя председателя ГКО он занял 30 июня 1941 года. В марте 1942 стал и первым заместителем председателя СНК. Вот ему я и вручил свои «верительные грамоты». Не могу сказать, что прием был очень теплый. Мне сразу сказали, что моя кандидатура еще не утверждена. Вакантное место только одно. Из состава ГКО выведена Розалия Землячка, по состоянию здоровья. На самом деле Госкомитет Обороны состоял из членов правительства СССР, заместителей его Председателя. В истории комитет описан несколько вскользь, несмотря на его выдающуюся роль в Победе. То есть, фактически, меня Сталин пытается сделать своим заместителем по флоту. И, возможно, по новому оружию. Такой подкомитет существовал, и им

посменно руководило несколько наркомов: Ванников, Устинов и Шахурин. Состав подкомитетов и комиссий постоянно изменялся, в зависимости от ситуации в промышленности и на фронте. В общем, все зависело от той писанины, которой я занимался эти дни. Изменение моего семейного положения пришлось не совсем кстати, в Москве ориентировались на то, что я человек холостой, поэтому не запланировали выделение мне какого-либо жилья, кроме той холостяцкой комнаты. Судя по всему, Молотов надеялся, что я провалюсь со своим прожектором. Повторяю, что несколько таких уже рассматривалось правительством. Один из них был принят и началось строительство линкоров типа «Советский Союз», но один из них находился в Николаеве в доке в готовности 7 %, второй в Молотовске, третий «готов» на 1 %, только киль. В максимальной, 19 %, готовности находился «Советский Союз», но даже возможности его спустить на воду не было, он находился в Ленинграде на Балтийском заводе. А Ленинград – в блокаде. Строительство дока на Дальнем Востоке заморожено, там строить такие монстры просто негде. Судопромышленности нанесены страшные удары! В наших руках два действующих завода. Так что, ГБЗМ надо покупать, Сергей Иванович, а не прожекты городить. Примерно в таком роде и было высказано мне на первом митинге в ГКО. Товарищ Берия меня к себе не приглашал, я его не слишком интересовал, впрочем, спецкомитет еще не создан, в настоящий момент работает Управление при Совнаркоме под общим руко-

водством Михаила Первухина, который в Кремле не сидел, он находился на улице Карла Маркса в Наркомхиме, еще не успел перебраться на Большую Ордынку, 24, но записочку, с просьбой заглянуть, он мне оставил в секретариате ГКО. А Молотов послал меня... в Особый (или организационный) отдел ЦК. Их инициатива, пусть и отдуваются.

Там все было чуточку лучше организовано: мне поставили еще один штамп в удостоверение члена ГКО, теперь я отношусь к Первому Главному Управлению ГКО, мне выделена машина с водителем и охранником, выписаны дневной и ночной пропуска по всей Москве и окрестностям. О квартире я там и не заикался, так как уже получил ордер у Молотова. И у меня забрали мои тезисы к моему докладу. Посоветовали сократить объем самого доклада.

– Это технически достаточно сложно сделать, плюс меня просили подробно описать проблемы.

– Ну, если просили подробно, пусть будет так. – сказал Вячеслав Николаевич, один из помощников Поскребышева. – Где остановились? Телефон есть?

– Я еще не знаю, ордер мне выписали в секретариате первого заместителя. Там, правда, не знали о том, что я женился и приехал сюда с женой.

– С жильем сейчас очень сложно, я отмечу это в личном деле. Адрес? – я протянул ему выданную бумажку.

– Если есть телефон, то перезвоните вот по этому номеру, а это позывные, которые требуется сказать. Позывные меня-

ются, так что не храните эту бумагу. Телефон запоминать тоже не обязательно. В ближайшее время вас внесут в справочник, и вы получите персональный позывной по ВЧ.

Эти, хотя бы, не сомневались в том, что я буду здесь служить. Заехав на Центральный, где находилась Лена, мы приехали на квартиру. В доме существовал домуправ, который молча взял ордер и выдал ключи.

– Второй этаж, квартира 2, комната 7. Пройдемте, я покажу вашу комнату, товарищ адмирал.

Телефон в квартире был, общий, висел на стене в коридоре. Слева кухня с газом, затем ванная, и двенадцать комнат под номерами. В конце коридора дверь в туалет. Когда-то это был огромный зал, который разделили тоненькими перегородками. Коридорная система. Слава богу, комната оказалась в середине. В ванной висят и сушатся гимнастерки, нижнее белье, петлицы ВВС, артиллеристов и связистов. Никого не видно и не слышно. Попрощавшись с домуправом, а охрана и водитель помогли занести вещи, я перезвонил по телефону и продиктовал номер. Предупредил, что выезжаю на Карла Маркса. Позывного Первухина я не знал, поэтому уточнять: куда я еду, не стал.

– Лена, карточек пока нет, пропуска у тебя тоже нет. Так что, посиди пока дома, продукты пока есть. Вопрос о пропуске будем решать, потому, что в ордер ты не вписана. Свидетельство о браке держи рядышком с паспортом. Без документов из дома не выходи. В случае чего, обратись к дому-

праву. Я постараюсь побыстрее вернуться домой.

Не думаю, что супруге понравился этот «арест», она весь полет до Москвы мечтала погулять по ее улицам, но в условиях войны туризм несколько не в почёте.

В Наркомхиме пришлось ждать, когда освободится товарищ Первухин. Говорили мы с ним не слишком долго в его кабинете.

– Честно говоря, меня нагрузили этим год назад осенью сорок второго. Это не совсем химическая задача, но поручили нам, в основном из-за того, что там требуется перевести соль одного из металлов в газообразное состояние.

– Можете говорить свободно, речь идет об уране.

– Вы – химик?

– Нет, я – вице-адмирал. Мои люди вывозили из-под Нарвика одного человека...

– Тронстада? Он же не дал своего согласия работать, требует, чтобы его передали американцам.

– Увидит меня – согласится.

– Понял. – слегка улыбнулся Первухин, – То есть, вы в курсе проблемы.

– Ну, насколько это так – я пока не знаю, но товарищ Сталин предложил мне заняться этим вопросом. И, заодно, отработать практическое использование этих процессов на флоте.

– До практического использования там еще очень далеко. В первую очередь, у нас практически нет урана, нет завода

по производству тяжелой воды. Самолетами вывозим флюорит с Амдермы. Там просто скопище проблем, товарищ адмирал.

— Я догадываюсь, поэтому требуется познакомиться с теми, кто ведет эти работы и постараться им помочь. Я в курсе, что финансирование идет по остаточному принципу, но есть надежда, что сейчас этот вопрос удастся разрешить. Это зависит от принятия еще одного постановления ГКО, в случае успеха, мы сможем объединить это направление с планами по развитию военно-морского флота. Там требуется менее обогащенный уран, и это даст возможность получать большое количество электроэнергии, не привязывая строительство электростанций к строительству высоких плотин.

Как я только сказал это, так в глазах Первухина загорелся свет. Он же, в первую очередь, инженер-электромеханик, бывший Народный комиссар электростанций и электропромышленности.

— Ну-ка, ну-ка! С этого момента поподробнее!

— Я допрашивал Тронстада, и то, что он рассказал о германском проекте, сразу натолкнуло меня на возможность использования установок, которые он называет «урановой машиной», для получения пара и электричества. Нам, флоту, это особенно важно, ведь процесс идет без потребления кислорода. А это — лодка, которой не требуется всплытие, ведь имея большое количество электроэнергии на борту, мы сможем получать кислород из воды, имея пар, получать опрес-

ненную воду. Сможем поглощать углекислый газ, бороться с конденсатом и тому подобным. Это лучший источник энергии для подводных лодок. Вы меня понимаете? Запуск такой «машины», назовем ее точнее: «реактором», атомным реактором, позволит наладить производство тяжелой и сверхтяжелой воды, ведь реактор – это источник нейтронов. Плюс, вскользь, Тронстад проговорился, что есть теоретическая возможность из неделящегося урана, которого 99,28 %, производить «эсперий», точно не помню, как его назвал Тронстад, «заураний», по-моему...

– Трансураний.

– Возможно, не существенно, но этот элемент имеет нечетный атомный вес и теоретически должен делиться с выделением дополнительных нейтронов. То есть, создавать цепную реакцию. Которая может быть, как управляемой, так и неуправляемой. Вот это – важнейшая часть того, что мне стало известно от этого фашиста. А имея много электричества, мы обеспечим разделение урана на циклотронах и, опять-таки, со слов Тронстада, существует пять способов обогащения урана, три из которых требуют большого количества электроэнергии. Но пар-то мы можем получать не только на кораблях, но и на земле, у воды.

– Вот именно. Вот что! Едем сейчас в одно место, я Вас познакомлю с теми людьми, которые непосредственно занимаются этой проблемой. Это все нужно рассказать им. Вы же кандидат в члены ГКО, как я слышал?

– Да, такое предложение поступило. – Я показал ему свое удостоверение.

– Можете рассчитывать на мою поддержку при голосовании. Я же буду настаивать, чтобы непосредственным руководителем этой группы стали вы. У меня же целый Наркомат. Нет, я даже не буду пытаться «открутиться» от этого поручения, но мне кажется, что вы будете отличным генератором идей в этой компании. То, что вы предлагаете – это революция в производстве электроэнергии, да и дело с оружием может серьезно сдвинуться с места. Требуется только уточнить: насколько это физически возможно. Ведь мы с вами не специалисты в этом вопросе.

– Немцы в прошлом феврале запустили эту «урановую машину» в Лейпциге.

– Даже так?

– Именно так. Товарищ Сталин настаивает на интенсификации этих работ.

– Тогда вперед! «Нет таких препятствий, которые не преодолели бы большевики!»

В общем, добрался я до дома уже за полночь, из трех комнат доносился богатырский храп, в одной кто-то усиленно скрипел койкой. Лена спала, не раздеваясь, укрывшись легким пледиком. А я ей привез пропуска по Москве, полный комплект, день и ночь. Она проснулась, попыталась меня накормить, но я ужинал в большой и очень интересной компании, собравшейся на Октябрьском Военном поле, бывшем

полигоне ВАИ. Второе название чаще встречается в «истории»: Серебряный Бор. Деревья там высадили позже, чтобы скрыть от глаз посторонних строения, внутри которых началось строительство ракетно-ядерного щита нашей Родины. До сих пор он нас прикрывает от внешних врагов. Против внутренних он бесполезен и даже опасен. Мы пошли гулять по ночной Москве. Лена будет работать в столовой «Лаборатории № 2», отсюда и пропуск. Возвращаясь с прогулки, мы у дверей столкнулись с жильцом квартиры № 1 в нашем доме: пожилым генерал-майором, вылезшим из автомобиля, которому адъютант сказал:

– Михаил Дмитриевич! Вы опять забыли свой портфель!

– Да-да, спасибо, милейший. – он забрал свой портфель, а потом спросил меня, потому, что мы остановились возле дверей парадной, – Вы ко мне, товарищ вице-адмирал?

– Нет, Михаил Дмитриевич, мы живем в квартире номер два со вчерашнего дня. Супруга впервые в Москве, а я получил на нее пропуск, вот и пошли смотреть Москву.

– Чайку после прогулки не желаете? Генерал Бонч-Бруевич.

– Адмирал Станкявичус. Лен, ты как?

– Я не откажусь.

– Милости прошу!

Генерал открыл дверь, из которой сразу выглянула милая мордашка пойнтера, получившего от генерала кусочек сухарика. Генерал жил не один, с дочерью, жену похоронил вес-

ной этого года, дочь сильно болеет. Говорит, что приходят внучка Зоя и невестка Софья выгуливать собаку, так как Тамаре несколько трудновато стало с ней управляться.

– Богатый у Вас «иконостас», Сергей Иванович. Откуда Вы, и какими судьбами забрались так далеко от моря? Ведь просто так в Москве жилье не дают.

– Мы приехали из Архангельска, вчера. Моя дивизия дислоцируется на Кольском полуострове, в Иоканге, но имеет свой штаб и в Архангельске, мы из Беломорской флотилии. С Леной три недели назад поженились. А познакомились в сорок первом, я был капитаном парохода «Вента», она работала на нем коком. Правда, там мы не общались, почти. Встретились в Архангельске зимой этого года, познакомились еще раз.

– У нас большая часть экипажа были девушки, а Сережа был «первым после бога», он меня и не узнал, когда мы встретились на берегу. Мне пришлось напоминать ему, что мы знакомы. Он только из госпиталя вышел, прожил у меня полтора месяца, квартиру снимал, потом ушел в море в середине марта, а назад вернулся в августе.

– Нас отвели на ремонт и переоборудование. Мы занимались противолодочной обороной в Баренцевом и Норвежском морях.

– Слышал-слышал! А что там у вас за какая-то новая система навигации?

И тут мы зацепились крепенько! У нас же все «секретно»,

а чужие системы, американские, охраняем пуше Цербера.

– То есть, это «декка», но работающая в другом диапазоне, и поддерживающая одновременно два способа определения, я правильно понял?

– Абсолютно, Михаил Дмитриевич. Там есть еще возможность просчета дополнительных поправок, в зависимости от солнечной активности, которая влияет на скорость прохождения радиоволн, что невозможно учесть в «Декке», и, за счет этого, значительно повысить точность определения места.

– Вот это вот очень интересно! Видите-ли, милостивый государь, я – начальник управления геодезии РККА, да-да, я еще служу Отечеству. Нам для проведения изысканий и аэрофотосъемок просто необходимы такие приборы.

– Там вначале требуется построить сеть станций.

– А вот это у нас есть! Есть места, где это можно установить, ведь насколько я понимаю, станции работают в автоматическом режиме, и синхронизированы по времени.

– Пишите письмо в ГКО, и можете передать его мне, поставки американского оборудования идут, но нам требуется создать собственные станции на собственных частотах, так, чтобы не зависеть от поставок из Америки.

– Это я понимаю, и у меня на примете есть человек, который может это сделать. Кстати, тоже адмирал, только контр-адмирал, Берг его фамилия. Эх, сейчас уже не позвонить, но я его утром достану.

– Да-да, мы что-то засиделись в гостях.

– Ничего-ничего. Кстати, а что у вас с этим «проклятым вопросом»? Там же наверху была столовая и банкетный зал. Наделали какие-то перегородки, нас «уплотнили». Раньше весь этот дом занимала моя семья, правда, вот, она уменьшилась на пять человек: двое умерло, Костя с семьей квартиру получил, дочь вот-вот уйдет, сердце и инсулин требуется, а он в дефиците. Перебирайтесь-ка вы ко мне, адмирал. Не стесните. Две комнаты будут в вашем распоряжении. Вы в ГШФ работаете?

– Нет, в ГКО, первое главное управление.

– Ну, тем более! Они два дома для «своих» строят, так что долго здесь не пробудете. У них очень пробивной комендант, Сахновский его фамилия. Одессит, одно слово.

– Я через три дня смогу дать ответ на ваше замечательное предложение. Завтра или послезавтра у меня представление одного проекта, от которого зависит в каком качестве и в какой должности я буду продолжать службу. Одно предложение я сегодня уже принял, если оно окажется единственным, то мы переберемся ближе к месту службы, там квартиры почти готовы. Если проект пройдет и будет постановление ГКО, то мне удобнее будет находиться здесь, основное место работы будет за красной стеной.

– Даже так?

– Да, заместителем Председателя.

– Тогда никаких разговоров, вы – мои гости. Я сейчас по-

кажу вам вашу спальню. Ваннх и санузлов у нас три, кухня, правда, одна...

– Зато я – повар 8-й категории! Готовку и прогулки с собакой могу взять на себя. – вставила Леночка. В общем, нам очень повезло с соседом! Официально мы числились в комнате № 7, а проживали этажом ниже. Окно спальни выходило во двор, а из моего кабинета был виден Кремль. Верхний этаж был когда-то «парадным», для балов и обедов, а нижний – жилым. Прекрасно обставленным и по-настоящему удобным. На работу в лаборатории № 2 Лена так и не вышла, взяв на себя заботу о больной дочери генерала и довольно большое хозяйство: шесть комнат плюс кухня, столовая, санузлы и собака.

Днем Михаил Дмитриевич организовал встречу с контр-адмиралом Бергом, заместителем комитета № 4, и передал мне письмо Управления геодезии РККА с просьбой организовать строительство подстанций будущей РНС «Чайка» для нужд Управления, ВМФ, ВВС, ГВФ и других организаций. Так что, мой план, еще не утвержденный правительством, начал реализовываться «снизу», и через два дня это реально помогло защитить проект. Моя кандидатура в члены ГКО была одобрена всеми заместителями Председателя, при одном воздержавшемся, нарком финансов товарищ Вознесенский высказал свое «особое мнение», типа «Денег нет, но вы держитесь!», впрочем, его можно было понять: требуемые суммы на его реализацию были астрономическими. Это

и ядерный проект, и развитие систем РНС, и ракетостроение, и проектирование новых классов кораблей, не каботажного, а океанского плавания, и создание двух новых родов войск. Ответил Вознесенскому не я, в тот момент я еще не был утвержден, шли прения после моего доклада, ответил «сам».

– Я бы хотел возразить товарищу Вознесенскому, вы, конечно, «напомнили» нам, что идет война, мы об этом как-то не догадывались, третий год воюем, но не догадываемся. Сегодня наши войска форсировали Днепр в шести местах, захватив плацдармы на его правом берегу. Начались бои за удержание плацдармов. Именно поэтому мы сегодня обсуждаем этот проект развития нашего государства. Адмирал Станкявичус прекрасно подготовил свой доклад, сделав комплексный анализ ситуации не только развития ВМФ, но и системы обеспечения его будущих действий с учетом возможного изменения международной обстановки. Давайте не будем забывать об агрессивной сущности империализма. Исторически так сложилось, что Великобритания с момента окончания Первой Мировой войны начала терять былое влияние в капиталистическом мире. На первое место по всем параметрам начали выходить Соединенные Штаты Америки. Именно они подготовили условия для второй мировой войны, и, до декабря 1941 года, активно разрушали две великие державы: Францию и Великобританию. В декабре сорок первого они сами вступили в эту войну. Их цель – ми-

ровое господство. Не Гитлер, а Америка ведет против нас войну. Гитлер – только инструмент в руках американского капитала. Из бесед с адмиралом Станкявичусом, мне стало понятно, что адмирал хорошо разобрался с этим вопросом. Целый ряд победных операций, проведенных им, показывают, что он умеет не только говорить и предлагать какие-то действия, но и умеет их воплощать в реальность. Вот и сегодня, вот эти вот бумаги и письма шести ведомств и наркоматов показывают нам готовность и необходимость начать работы по этому проекту, и во всех этих письмах, товарищ Вознесенский, речь идет о существенном уменьшении расходов за счет внедрения новых способов, предлагаемых товарищем Станкявичусом. Возьмем ту же «Вторую лабораторию», эти бумаги у Вас есть. Есть?

– Есть, товарищ Сталин.

– Сравните их требования тогда и сейчас! Сколько мы выигрываем в новых условиях? А эти расходы нам все равно придется нести, товарищ Вознесенский! От этого зависит само существование нашего государства! Вам показать, что готовит нам Гитлер и Америка? Миллион тонн тротила в одной бомбе! Вдумайтесь. Миллион тонн.

– Я этого не представляю, это нереально.

– Товарищ Курчатов, ответьте товарищу Вознесенскому.

– К сожалению, Николай Алексеевич, в расчетах Тронстада мы ошибок не обнаружили. Это реальные цифры возможной мощности водородной бомбы.

– Но ведь адмирал – не специалист в этом вопросе, возможно, что это мнимое «удешевление проекта».

– Да, он – моряк, но физику он знает. Реактор Ферми сделать проще, но... куда его потом девать, да и нет у нас столько урана. На всю страну – одно месторождение, Туя-Муюн, без подъездных путей.

– Все настолько плохо? – задал вопрос Сталин.

– Да его и не искали, товарищ Сталин. Туя-Муюн давал радий, очень редкий элемент, а урановую руду в отвал выбрасывали. – мрачно сказал Курчатов.

– Вот я и говорю, что зря мы всё это затеваем. – уперся на своем Вознесенский. Пришлось вмешаться в разговор.

– Николай Алексеевич, Игорь Васильевич весьма точно указал причину отсутствия в стране урана. Его никто не искал. Он достаточно распространен. Ближайшее от нас месторождение находится в Пятигорске.

– А вы откуда знаете? – спросил незнакомый худощавый гражданский.

– А с кем я говорю? У нас на флоте принято представляться, либо до, либо после вопроса.

– Моя фамилия Щербаков, ВИМС, доктор геологии.

– Отлично, на южных отрогах горы Беш-Тау, ночью, в безветренную погоду из некоторых разломов выходит легкое свечение и имеются так называемые «кошкины глаза», небольшие наплывы желтого цвета. Они слоистые, хорошо гнутся. Я отдыхал там, в середине 30-х, заинтересовался: что

это такое? Думал, сера или фосфор. Оказалось, что это отенит, минерал урана и урановая руда. А там, где есть минералы, есть и сам уран.

– Это закономерно. А почему не заявили об этом?

– А я не знал, что этого никто не знает. Интересовался чисто для себя. Я, вообще, любознательный. Так что, в стране уран есть. Тот человек, который мне сказал об этом, говорил, что первый раз видел подобные минералы в пустыне Кызыл-Кум, у крепости Яны-Курган, на левом берегу Сыр-Дарьи. Говорил, что под песками этой реки, поверх меловых отложений, полным-полно золота, различных минералов, всего того, что принесла река за миллионы лет с Памира.

– Как звали этого человека?

– Дядей Мишей, что ли... Уже не помню.

– Товарищ Сталин, сказанное совпадает с той докладной запиской, которую я вам писал в 38-м, после завершения Памирской экспедиции, что в осадочных породах Аму-и Сыр-Дарьи требуется вести целенаправленную геологическую разведку.

– Вам, товарищ Щербаков, деньги выделены. Ищите, у Яны-Кургана, значит, у Яны-Кургана! Под Пятигорском, значит там. Найдите уран, он нужен срочно!

– Место на карте показать сможете, тащ адмирал?

– Конечно, я же – штурман. Я считаю, что для поиска урана целесообразно использовать приборы, регистрирующие радиоактивное излучение, их, кстати, можно устанавливать

на самолетах, а потом исследовать район всплесков радиоактивности. Таким образом мы быстрее всего доберемся до урана. Мы так лодки ищем, разбрасывая радиобуи в подозрительных районах. Вот вам еще один способ удешевить и ускорить атомный проект.

Сталин вновь перехватил разговор, в отличие от остальных, он прочел мой доклад полностью, затребовав его позавчера. Там я расписался на все 100 %, недаром его секретариат просил сократить «цидулю». Упомянул очень и очень многое, в том числе, ракеты Березняка-Победоносцева, с прямоточным воздушно-реактивным двигателем, которым не хватало лишь ГСН (головки самонаведения) и приемо-индикатора радионавигационной системы. Ну, не было их у нас! Кстати, знаменитая «Фау-1» летала без них, тем более, «ФАУ-2». За время войны, несмотря на блокаду, ГИПХ (государственный институт прикладной химии) в Ленинграде весьма продвинулся в части создания новых топлив для реактивных артиллерийских систем. К началу 1943-го года они завершили работы над баллистичным топливом «А»-серии. Позволяло увеличить дальность гвардейских минометов и реактивных бомбометов втрое, при той же массе. На его основе я и предлагал сделать ускорители для ракеты Березняка. В аэротрубе ЦАГИ его двигатель работал, а запустить его на старом топливе не удавалось. С помощью этих ракет мы могли из Москвы обстреливать Берлин и Гамбург, но надобности в этом не было. В общем, практически едино-

гласно, при одном воздержавшемся, меня утвердили в должности заместителя Председателя ГКО, и сделали сопредседателем шести спецкомитетов. Самим «председателем» был Маленков, первый заместитель Молотова. Я же удостоился похвалы Верховного:

– Хороший доклад подготовили, товарищ Станкявичус. К сожалению, проблем на флоте оказалось несколько больше, чем я предполагал. Мною издан приказ о возобновлении обучения флотским специальностям в Ахтубинске и Баку, и создании еще трех училищ по подготовке офицеров ВМФ. Пока этого будет достаточно, к сожалению, отсутствуют кадры преподавателей. Кто ушел на фронт, кто на флот. Командиров взводов в морскую пехоту направим из пехотных училищ, это не проблема. Я настоял, чтобы Вас включили в состав шести комитетов. То, что будет тяжело, я – знаю, но, поймите меня правильно, очень не хватает людей с хорошим образованием, способных осознать сложность и значение тех проблем, которые возникают перед этими комитетами. Война будет закончена в ближайшее время. Разгром Германии предопределен. Ваша задача: обеспечить строительство послевоенного мира для СССР, которому отводится роль «Великой державы» в этой новой конфигурации нового мира. Мы должны быть готовы нести эту ношу. Подчеркиваю: НОШУ! Это – тяжкий труд, товарищ Станкявичус.

– Я понимаю, товарищ Сталин. «Готов к труду и обороне».

Глава 4. «Хозяин» шести «спецкомитетов», которых еще нет

На выходе из кабинета Сталина меня поджидал товарищ Щербаков, которому я пообещал показать второе месторождение урана, и Курчатова с Первухиным, искренне обрадованные тем обстоятельством, что у комитета появился новый «председатель», который несколько больше сечёт в проблеме, чем предыдущий.

— Я вам уже говорил, товарищ адмирал, что у нас есть еще одна проблема: флюорит. Чертовски его мало, плюс приходится его делить на неравные части. Большая часть его уходит на изготовление флюсов для алюминиевой промышленности. — сразу взял быка за рога Первухин.

— Насколько я припоминаю, чисто с геологической точки зрения, его должно быть много в Забайкалье и Монголии. — Геолог Щербаков активно закивал головой.

— У нас средств не хватало, чтобы организовать комплексное обследование тех мест. — заявил он.

— У флюорита, ведь, голубые кристаллы? — спросил я.

— Да, голубоватые.

— Почти на самой границе с Китаем, в 1910 году, рядом с южной веткой КВЖД, было открыто большое месторождение флюорита. Мне об этом рассказывал бывший партизан и

замначальника ВЧК Дальневосточной республики Илья Алтобасов. Его семья проживает там с бог знает какого года, со времен Ивана Грозного. Он говорил, что в том районе, севернее, есть огромная кальдера, битком набитая всякими разностями. Он – химик по специальности. Рудник был заброшен во время революции. А уран явно тяготеет к районам с повышенной вулканической деятельностью.

– Да, это так. И к осадочным породам, где он осаждается из размывов. Он же тяжелый, гораздо тяжелее свинца. Я пошлю туда людей.

– Это район станции Забайкальск.

– Я понял, да, я и припоминаю, что было такое месторождение, действительно заброшено, там семеновцы постарались, людей выбили, поселок сожгли. И рядышком посмотрим, может быть, что и накопаем. Интересный Вы человек, Сергей Иванович. Очень разносторонний. Я рад, что у нас появился такой «куратор», который представляет те сложности, с которыми придется столкнуться. Людей в те районы, о которых вы говорили, я сегодня же отправлю. Еще, по некоторым данным, рядом с Туя-Муюнским месторождением, находится еще одно, более мощное месторождение урана. Мы, пока, еще не завершили его обследование, но уран там есть. Неизвестны точно его запасы. Но фонит там очень сильно.

– Тянь-Шань, по идее, весьма перспективное место в этом отношении. Там есть две интересные реки: Чу и Тюп или

Кара-Су. Их долины могут быть весьма перспективны, как по золоту, так и по редкоземельным элементам.

– Деньги на это мы только-только получили, а люди в армию ушли, товарищ адмирал.

– Отзывайте.

– Мы так и делаем, но погибло много толковых людей.

– Я в курсе.

Война, действительно, сильнее всего сказалась на кадрах. Специалистов и до войны было не слишком много, их «бронировали», но очень многие либо попали под оккупацию, либо извернулись и ушли в армию, в первые дни войны страна еще не задумывалась о том, что она будет идти долгие четыре года, поэтому формировала добровольческие батальоны и дивизии свободно, оставляя в тылу только тружеников военных заводов. Геологи в первый год войны под бронь не попали, а две лучшие «школы»: харьковская и ленинградская, оказались блокированы и оккупированы. Студенты уходили в ДНО (дивизии народного ополчения) массово. Отток кадров был огромным. Этот пробел был ликвидирован только в 60-е годы.

А Щербаков оказался очень оперативным товарищем, с помощью которого уже в ноябре мы получили первый металлический уран, правда, необогащенный. Он годился для создания реактора, работающего по «немецкой схеме» на тяжелой воде и для создания реактора Ферми, от которого мы отказались сами, так как он «одноразовый» и его необхо-

дим «могилизировать» на месте после выработки заложенного туда урана. Основное наше внимание было обращено на обогащение урана и создание реактора-размножителя на быстрых нейтронах, идею которого подбросил я. Так как достоверные сведения о том, что управляемая цепная реакция возможна, у нас были, то экспериментировать с этим мы не стали, стремясь обойти немцев и американцев за счет этого вопроса. Реактор разрабатывали Келдыш и Завируха. Последний из них в реальной истории создал лодочный реактор на быстрых нейтронах. Я привлек его к работе, вытащив его из конструкторского бюро завода «Электросталь» в Подмосковье. Благо, что очень интересовался ядерной физикой в старших классах школы и, по специальности, я – подводник, не тот, который на подводке работает и лошадью управляет, а бывший командир БЧ-2 на лодках проекта «675». Лодку мы тоже начали проектировать, на «Дальзаводе», который тогда назывался «завод № 202». Там, в сухом доке № 3, «николаевском», она и была заложена весной следующего года. Этот завод первым в мире начал применять электросварку для сборки судов и кораблей. Там же было построено первое цельносварное судно в 1930-м году. Авторами проекта стали профессор Вологдин и главный конструктор «Дальзавода» Павел Пустынцев, «отец» и главный конструктор тех лодок, на которых мне приходилось ходить в молодости. «Раскладушка» и стала прообразом проекта «КР-16», так как других ракет, кроме ракеты Березняка-Победоносцева у нас не

было, она еще не слишком летала, но у меня была уверенность в том, что мы ее доведем до ума. Все предпосылки для этого имелись. Березняк, после нашей встречи в Новосибирске, согласился с тем, что требуется кардинально поменять конструкцию планера, так как двигатель не может запуститься из-за маленькой скорости, а мешает набрать скорость прямое и толстое крыло, и огромный воздухозаборник. Две звезды в ряд на погонах позволяли мне критиковать все абсолютно свободно, плюс к тому времени я уже считался крупным специалистом по ракетному вооружению, из-за бомбометов, производство которых было поставлено на поток, и они заняли свои места на кораблях всех классов. Так что, меня слушали внимательнейшим образом, так как я был «представителем заказчика» и «сталинским наркомом». Ну, а так как мне приходилось бывать на обогатительной фабрике, и я собственными глазами видел устройство современных закритических центрифуг, а доктор Тронстад на допросе упомянул, что существует пять способов обогащения, в том числе, и с помощью газовой центрифуги, но изобразил ее горизонтальной и огромной, но при этом назвал реальную цифру толщины никелевого фильтра, то у меня сразу получилось указать на ошибку немецких разработчиков.

– Игорь Васильевич, если крутить такого монстра, при такой толщине стенок, то он превратится в шар, это однозначно. Думаю, что главное – это высокая скорость вращения и громадное количество таких «каскадов», сразу нам этого

не потянуть, придется повторять опыты Гана и использовать газовую диффузию для обогащения, чтобы запустить первый реактор-размножитель, а там появится дополнительное электричество, но готовиться к этому начнем немедленно. Центрифуги начнем изготавливать и испытывать сейчас. Да, большое количество каскадов мы сделать не сможем, иначе заберем у Москвы все мощности, нам этого сделать не позволят. Думаю, что центрифуги должны быть небольшими, располагаться рядами вдоль и вверх, ну, как на ткацком станке. И отработанный газ должен многократно проходить через них, с добавлением свежей порции, а тот, в котором будет повышенная радиоактивность, переходить на следующий и следующий каскад. Мне кажется, что сразу весь 235-й мы извлечь не сумеем. Он останется и перейдет, куда нужно, позже, после нескольких сот циклов.

– Согласен, Сергей Иванович. Маленький и небольшого диаметра цилиндр значительно проще заставить вращаться с большой скоростью, а идея многократного прохода по каскадам мне нравится. Подшипники будут сыпаться.

– Будем обходиться без них, либо подвешивая цилиндр в магнитном поле, либо поставим на иголку в кристалле.

– Отлично! Можно подумать, что вы эту центрифугу уже видели.

– Видел, во сне. Такой длинный цех со стоящими голубыми станками, соединенными между собой двумя трубами, одна красная, обогащенный, вторая белая, природный.

- Богатое у вас воображение! Картины писать не пробовали?
- Нет.
- А я пишу, когда время для этого вырвать удастся.
- С удовольствием посмотрю, Игорь Васильевич.

В общем, все потихоньку заработало, хотя средств страна выделила не слишком много, плюс была острая нехватка кадров, материалов и опыта. Не обошлось и без подвохов. Дело в том, что тот самый доктор Тронстад побывал у Сталина, зачем это было нужно – я не совсем понял, но самому Сталину он выдал свой самый большой секрет: на том самом заводе находилось почти две тонны тяжелой воды, она необходима для запуска завода. Сталин приказал ее вывез-

ти и запустить реактор по немецкой схеме. Деньги для этого срочно нашлись. Реактор заработал уже в январе 1944-го. Его довели почти до теплового взрыва, он не слишком хорошо управлялся. Слава богу «Чернобыля» не случилось, но несколько человек получило приличную дозу. Но главное было не в этом! Завод попытались вывезти из Норвегии, а у нас с электричеством была огромная задница. Пустить его под Нарвиком труда не составляло, а вот у нас – требовалось место. Главное, ни меня, ни кого-либо из спецкомитета № 1 об этом решении не уведомили. Операцию проводило НКВД. В один из декабрьских дней у ворот на Октябрьском поле остановился грузовик с многочисленной охраной, на нем привезли дейтерид и приказ осуществить пуск реактора. В общем, потратили время, деньги, кучу металлического урана на игрушку. Убедились в том, что вообще-то он работает, но весьма своеобразно. Все разобрали и увезли в Раякоски, куда перенесли завод тяжелой воды. Это новая территория, которую забрали у Финляндии. Там довольно мощная ГЭС на реке Паз, еще царских времен. В октябре сорок третьего Финляндия вышла из войны, потеряв Лапландию, Улео (Овлу), мы вернулись в Приботнию и на старую границу с Норвегией, определенную еще новгородцами. Этому «поспособствовали» сами норвежцы, выставив две дивизии СС «Нордланд», которые неплохо усилили 20-й горный корпус, и объявили нам войну. В составе дивизий, в основном, были «южане». «Северяне», в большинстве своем, вошли в

Норвежскую освободительную армию и в армию Флейшера, которые впоследствии объединились, когда появился «Нордланд». Война превратилась в гражданскую, и северные норвежцы «вспомнили», что некогда, в течение 6–7 веков, входили в состав Новгородского княжества. Части СС были разбиты под Тронхеймом, после этого было заключено перемирие и остатки 20-го корпуса немцев эвакуировались в Данию. Норвегия была освобождена полностью. Выход Финляндии из войны позволил снять полную блокаду Ленинграда и освободить водный путь по Свири. Но окончательно граница с Норвегией еще не была установлена. Король сидел в Канаде, и якобы дистанцировался от решений Квислинга. Реально это было совершенно не так, однако разведка так и не смогла предоставить доказательства его связи с Гитлером и компанией. Он больше ориентировался на англичан.

А что касается НКВД, кое-какие трения иногда возникали, из-за «режима», но дел у них было выше крыши и без нас. После не слишком удачного пуска, в научные вопросы они соваться перестали. Скорее всего, сам Сталин хотел убедиться, что это возможно, ведь речь шла об огромных вложениях. И где-то в душе у него сомнения оставались.

К лету 1944 года у нас был готов первый БР-1, свинцово-висмутовый реактор на быстрых нейтронах, собранный по петлевой схеме с шестью картриджами, зонами воспроизводства. Маленький, всего 0,1 Мегаватта мощностью. Американцы сделали подобный в 1946 году, еще меньшей мощ-

ности, почти в 30 раз, но использовали ртуть в качестве теплоносителя. Мы себе такую роскошь позволить не могли, ртуть очень коварный элемент. Помня о судьбе БР-2, который практически растворился в течение года в Обнинске, я героически отверг этот вариант, а он предлагался первым. Ртуть очень перспективна, но требует высококачественных материалов, которых у нас не было. Нужны исследования, а время круто поджимало. Но, даже такой малыш имел очень хороший коэффициент воспроизводства и малое время удвоения. Так что, его вполне хватило для получения плутония, как теперь назывался «эсперий». О запуске я доложил Сталину из Озерска, под Челябинском. Тот меня «обрадовал»:

– Есть сведения, что через неделю англо-американцы высадятся во Франции.

Несмотря на все наши усилия: разгром армий группы «Центр», выход к берегам Балтики и взятие Мемеля, освобождение Норвегии, вывод из войны Румынии и Финляндии, мы только-только подошли к границам рейха. А предстояло его взять! Армия успела набраться опыта наступлений и теперь достаточно легко продвигалась вперед. Однако сопротивлялись гитлеровцы отчаянно.

– Что у вас с обещанными ракетами?

– Заканчиваем сборку первой серии.

– Я смотрю, что вы совершенно не торопитесь, товарищ Станкявичус. – ответил Сталин и повесил трубку. Ему, так

же, как и мне, хотелось побыстрее поставить жирную точку под актом о капитуляции Германии. Спать мне приходилось только в самолетах, поехал на аэродром и улетел в Казань, к Березняку и Бондарюку, которых я объединил на 16-м заводе. Один занимался планером, второй двигателем. Туда же из Москвы мною был переброшен доктор Мстислав Келдыш, замечательный математик и механик. Он разрабатывал систему управления, с использованием новейших систем радионавигации. Освобождение Норвегии и Румынии дало возможность разместить там передатчики «Чайки», плюс «Чайка» могла использовать американский «Logan-C», что позволяло использовать четыре линии положения при вычислении места.

Утром 4-го июня мы встретились вчетвером у западных ангаров. НИИ-1 тогда собственных заводов не имел, завод же выпускал шесть моделей самолетов и был просто перегружен заказами. Мы же были «довеском», экспериментаторами. Да и испытывать ракету в этом районе нам, естественно, никто бы не разрешил. «Изделия» упакованы и погружены в вагоны. Четыре из них отправлены в Москву, остальные в Ахтубинск, куда мы и вылетели. Там севернее аэродрома есть артиллерийский полигон, где мы и отстрелялись. Первая ракета пошла на дальность, наблюдатели видели ее у Забурунного, это в 400 километрах. Двигатель еще работал, она ушла в сторону Каспийского моря. Ее так и не нашли. Вторую отправили по замкнутому маршруту на максималь-

ной высоте и скорости. Она уверенно прошла по нему, появилась над полигоном, и ее перевели в пикирование. Упала в степи в нескольких километрах от командного пункта. Третьей отстрелялись по заброшенной кошаре, уже боевой ракетой. КБО составило 500 метров. Вполне неплохо, это ведь без применения головки самонаведения. И последний пуск был произведен по радиоконтрастной цели: отражателю, который установили на пустынном островке в море. Там попали точно. Собрав эти данные, понесли повинные головы в Кремль. Двое из четырех там еще никогда не были. Но Сталин в Кремле нас принимать не стал.

– Товарищ Сталин просил Вас подготовить осмотр изделия в Измайлово, на полигоне. – передал мне Поскребышев.

– Есть. В какое время.

– Завтра, в 11.30.

Отправив туда обоих конструкторов, мы с Мстиславом Всеволодовичем заехали в Серебряный Бор, за новостями, вопросы по нему могли последовать в любую минуту, затем разъехались по домам, чтобы утром быть на «Лобном месте». Сами мы были очень довольны испытаниями. Все прошло удивительно гладко, и ни один прибор нас не подвел.

Утром на полигоне собралась вся Ставка и большая часть заместителей Сталина, даже Жданов прилетел из Ленинграда. Мы расставили четыре ракеты и одну пусковую установку, все приборы управления. Кучу плакатов. Сталин прибыл точно в указанное время. Обычно он так рано не встает.

– Докладывайте, товарищ Станкявичус.

– Изделие Р-700, управляемая крылатая ракета с прямоточным воздушно-реактивным двигателем конструкции товарища Бондарюка. Сама конструкция изготовлена на заводе № 16 в КБ товарища Березняка. Предыдущую модель, образца 1940–1942 годов, пришлось полностью переделать, так как ее двигатель не запускался из-за недостатка скорости. Установленные два новых ускорителя, с использованием новых баллистических порохов завода «Арсенал» и ГИПХа, обеспечивают наземный, надводный и, теоретически, подводный старт ракеты. Последнее еще не отрабатывали. Все оперение складное, ракета помещается в стартовую установку, которую можно устанавливать на земле, на автомобиле, на катерах, кораблях и подводных лодках специальной конструкции. Нами рассматривался вопрос полностью автономной необслуживаемой пусковой установки. Четвертого июня нами произведены летные испытания изделия в Ахтубинске. Ракета показала скорость 2,7 Маха, то есть, около 3000 километров в час. Максимальную дальность определить не удалось, ракета ушла в сторону моря, и мы ее не нашли. Имеет встроенный автопилот новой конструкции, бустерные цельноповоротные аэродинамические рули, второе испытание происходило по замкнутому маршруту, там и определили скорость. На прямых участках она может быть и выше. Автопилот имеет связь с приемо-индикатором системы «Чайка» и «Лоран», и может быть запрограммирован на

определенный маршрут. Разработка товарища Келдыша. И главное: ракета имеет головку самонаведения по радиоконтрастной цели. Дальность действия самонаведения – 20 километров. Вес боеголовки 500 килограммов морской смеси, тротильный эквивалент 1,7. Может поражать любые корабли, любого класса, как с пикирования, так и в борт. И последнее. В качестве боеголовки может быть использован спецбоезаряд, мощностью до 20 килотонн. Корпус для него изготовлен, реактор-размножитель в Озерске запущен, в ближайшее время появится возможность такую боеголовку испытать.

– Товарищ Сталин, разрешите задать вопрос товарищу Станкявичусу? – подал голос маршал авиации Голованов.

– Спрашивайте, товарищ Голованов.

– Вес вашего изделия?

– Четыре двести.

– А возможность пустить ее с самолета имеется?

– Теоретически это возможно, но мы такую работу не проводили, иначе бы мы не успели показать ее сегодня. Там часть приборов из пусковой установки требуется установить на носитель.

– А что за приборы?

– Их шесть, для ввода расчетов маршрута, запуска гироскопов, ускорителей и тому подобного.

– Это не так сложно, товарищ адмирал. Для авиации дальнего действия это очень необходимая вещь!

– Вам больше подойдет радиоуправление, чем полет по маршруту. У вас точка старта неизвестна.

– Какова ее стоимость? – этот вопрос, само-собой, задал Вознесенский.

– Серийной стоимости мы еще не знаем. Эти пока золотые. Но это носитель ядерной бомбы. Он у нас есть, и позволяет не входить в зону ПВО.

– А какова ее точность? – это уже Сталин.

– Если чисто по счислению, то 10 километров, если по радиоконтрастной цели, то попадает точно с дистанции в 400–500 километров. Стреляли на такое расстояние по пассивному отражателю. Отражатель просто исчез. Если работает «Чайка», то полкилометра КБО без использования самонаведения. С наведением еще много чего предстоит сделать, чтобы уменьшить отклонение. Эти вопросы мы с товарищем Келдышем прорабатываем. Они – решаемы, но требуется время и наработки. Что касается цены, она даже дешевле самолета будет получаться. Двигатель прямоточный, без вращающихся частей, не считая насосов. Пока дорого стоят приборы управления, их серийного производства еще нет. Наладим, цены упадут.

– Что у вас по спецкомитету? Когда, самое главное.

– У меня пока ответа нет. Если расчеты верны, то через две недели накопим необходимое количество 239-го. Затем его требуется перевести в газ, разделить и восстановить.

– Медленно, очень медленно.

– Товарищ Сталин, на первом совещании говорилось о 50-м годе. Сейчас речь идет о конце сорок четвертого – начале сорок пятого. Носитель – лежит перед вами, мы его подготовили. И лодку заложили. Мы спим по два часа, да в самолетах. Самая сложная часть работы выполнена, процесс запущен, остановить его уже никому не удастся.

– Это может сделать товарищ Вознесенский. – пошутил Иосиф Виссарионович. – Но мы ему не дадим этой возможности. Через две недели, говорите? Проведите их в Рице, все четверо. Мне одному кажется, что они заслужили отдых и Государственную премию первой степени?

И протянул мне руку. Такой награды я еще не удостоивался. Березняк, правда, от поездки отказался. Не при всех, а чуть позже, изделия прибыли в Москву для государственных испытаний, плюс на него «насел» маршал Голованов, сразу, как только кортеж Сталина покинул полигон. Тот заявил, что включит это требование в программу.

– Адмирал, пойми правильно, у тебя нет ни одной посуды, чтобы ее разместить. Пока делаешь это – война закончится. А у меня две дивизии Пе-восьмых. Мне их в пекло приходится посылать, а тут подошел на 500 километров к цели, пустил и обратно.

– Тащ маршал, они – противокорабельные, это их основное назначение. Пулять ими по площадям – занятие тухлое.

– Есть такие цели, на которые не жалко потратить твою дорогостоящую ракету. И они, как ты там говорил, радиоконтраст-

ны. Отойдем-ка в сторонку.

Маршал решительным шагом отошел на пару десятков метров, и залез в планшет. Достал карту, даже не карту, а крупномасштабный план Берлина.

– Вот это здание, это театр, раньше был, теперь место партийных встреч и крупных совещаний генералитета Германии. Как видишь, оно отдельно стоящее, но вокруг сплошные зенитки, этот район Берлина прикрыт так, что туда практически не пройти. И есть человек, который может прислать время, когда там соберется вся их «шобла». Пятьсот километров твоя дурища летит всего 10 минут. Никто выйти не успеет. Сможем туда попасть?

– А Вы сводку сегодняшнюю слышали? – смотр происходил 6-го июня 1944.

– Слышал.

– Знаете, что произойдет, если мы это сделаем? Без санкции Верховного я этого делать не буду. Гитлер нам сейчас больше живым нужен, чемдохлым.

– В машину! Поехали.

Но поехал маршал не в Кремль, а на ближнюю дачу, видимо хорошо знал привычки «хозяина». У меня пропуска туда не было, но Александр Евгеньевич о чем-то пошептался с незнакомым мне комиссаром ГБ, и мне сказали: «Проходите». Оружие пришлось сдать. Это была старинная усадьба, но немного перестроенная. Она не имела «парадного» входа, в общепринятом смысле этого слова. Через 10 минут ожида-

ния, дверь открылась и Голованов пальцем поманил меня.

— Здравия желаю, товарищ Сталин. — тот сидел за столом в кабинете, куда мы прошли по коридору.

— То, что вы отказались исполнять предложение товарища Голованова, это правильно. Нам, действительно, Гитлер нужен живым и здоровым. Но подготовить такую операцию требуется. — Последнюю фразу Сталин произнес чисто, без малейшего акцента. — Целью должен стать генералитет вермахта, здание Люфтваффе и гестапо. Это законные военные цели. Однако максимального эффекта мы добьемся только в том случае, если применим атомную бомбу.

— Товарищ Сталин, я немного познакомился со свойствами этого оружия. Пока чисто теоретически, но думаю, что достаточно хорошо. Взрыв происходит в течение очень короткого времени. Весь уран или плутоний за это время прореагировать просто не успевают и разлетаются во все стороны, заражая воздух и местность, как продуктами деления, так и окислами урана. Плутоний еще и ядовит. Если мы хотим получить политические козыри, то удобнее всего сделать это в виде угрозы применения этого оружия. Я бы предложил пригласить на испытания союзников и пленных генералов, причем тех, кто отказался от сотрудничества с нами. Таких, закоренелых фашистов и эсэсовцев. А потом переправить их через линию фронта, можно предложить немцам произвести обмен пленными.

Установилась небольшая пауза. Многие тогда еще не по-

нимали, какого зверя мы пытаемся «приручить».

– Заражение местности?

– Да, товарищ Сталин, и теоретически его можно даже усилить, добавив в корпус бомбы некоторые элементы, например, кобальт.

– Согласен, мы проведем открытые испытания. Таким образом мы исключим возможность создания новой коалиции против нас. Какова производительность вашего БР-1? Не слишком ли маленький он?

– Рассчитываем получить до конца года три «урожая» по шесть штук. 18 изделий. Кроме того, Ершова, Кикоин, Зельдович и Харитон в течение месяца обещают завершить разделение 10 тонн урана, это примерно 72 килограмма U_{235} . Нейтронные отражатель и инициатор есть, товарищ Щербаков очень толковых ребят послал в Забайкалье, нашли флюорит, флюорит с бериллием и много урана, так что попробуем сделать побольше. Осталась проблема с карбидом вольфрама, но решаем, вместе с монгольскими товарищами.

– Вольфрам нужен на фронте, товарищ Станкявичус.

– Вместо него можно уран использовать, у нас теперь его много.

– Это как? Он же радиоактивный?

– Уран 238 почти не активен, очень плотный, тяжелый и не хрупкий. В качестве сердечника применять его можно.

– Привлеките для этого маршала Яковлева, из ГАУ. Если все так, как вы говорите, то увеличим вам поставки воль-

фрама.

– Есть.

Глава 5. Приключения с «носителем»

Своего Александр Евгеньевич добился, я поехал за Еленой, а он уволок Березняка из нашей компании. Побывать на отдыхе удалось всего 10 дней, вызвали в Москву разбираться с аэродинамикой. ЦАГИ категорически отказался признавать результаты заводских испытаний, а единственная пусковая установка, находящаяся в Москве, оказалась разобранной для переноса ее деталей на самолет Пе-8-42911. Не было на полигоне и самого Березняка, не было никого из команды. ЦАГИ издало боевой клич, и принесло в кабинет Сталину письмо, подписанное докторами Дородницыным и Лойцянским, и директором ЦАГИ Шишкиным, что государственной комиссии подсовывают «липу», все сделано не так, как рекомендовано ЦАГИ, а Дородницын сталинскую премию полтора года назад получил и докторскую защитил по «Пограничному слою в сжимаемом газе», не имея сверхзвуковой трубы, под руководством Лойцянского. Тот был начальником расчетного отдела ЦАГИ. Таких продувок еще не было. В общем, не совпала теория с практикой. Сталин о том, что Березняк в Чкаловском не знал, позвонил на дачу в Рицу, и наш отпуск пришлось срочно завершать. Связались с полигоном в Ахтубинске, запросили номера грузовых накладных,

они должны были пусковые отправить в Казань и в Москву. Приземлились прямо в Стаханове, и полный вперед к Шишкину. Келдыш до спецкомитета работал в этом институте, поэтому чувствовал себя как дома. Ругань стояла – мама не горюй! Келдыш «весил» несколько больше Шишкина, и лично участвовал в испытаниях.

– Вы что, считаете, что я мог подписать «липу», будучи начальником отдела динамической прочности?

– А почему, подав заявку на государственные испытания, никто не приехал от вас к нам и не представил нам ваше изделие? Мы узнали об этом задним числом, от товарища Дементьева⁵.

– Нас всех отправили на отдых на дачу Сталина, на озере Рица. Здесь остался только Березняк, по просьбе маршала Голованова, для подготовки испытаний по воздушному пуску изделия.

– А где он? Что за безобразие творится? Какая машина из образцов должна поступить на прочностные? Нас Дементьев в узел завязал, что мы затягиваем это дело!

В общем, отдохнули! «Кончай перекур! Начиная приседания!» Добро пожаловать в ад. Шишкин категорически отказался принимать машину на прочностные, пока ему не докажут, что заявленные характеристики действительные. А где здесь проводить такие испытания? Выручил Голованов. У них машина оказалась в полной готовности, ждали только

---

⁵ Замнаркома Авиапрома.

нас. Пускал ракету лично маршал у Липецка, замеряли ее скорость и высоту в пяти точках, а упала она неподалеку от Красного Кута под Энгельсом, где находилась оцепленная площадка с мишенью, до которой было 580 километров. То есть, расход топлива оказался в норме, ракета могла летать на 700 километров. Упала она с работающим двигателем.

И у всех в ЦАГИ возник вопрос: «КАК?». Задали его Березняку.

– Схему и компоновку с тонким безэлеронным крылом, кольцевым воздухозаборником и цельноповоротными рулями предложил Сергей Иванович, я реализовывал его задумку. Он же предложил установить датчик в камере сгорания, чтобы организовать зажигание и уменьшить пожароопасность на старте. У нас несколько ракет так сгорели. Назвал он и причину, почему двигатель не запускается: недостаточная мощность ускорителей. Ускорители делали на Мехкастрое, который выпускает реактивные глубинные бомбы для его бомбометов. Схему мы не продували, Сергей Иванович сказал, что у трубы недостаточная скорость потока.

– То есть, Вы, Сергей Иванович, знали, как преодолеть звуковой барьер?

– Да, знал. При попытке увеличить дальность полета глубинных бомб с помощью баллистита «А», выяснилось две его особенности. Во-первых, он дымил при использовании старых сопел, мы прокатали их в районе критического сечения, и скорость струи удалось поднять до 1300 метров в се-

кунду. Но, ракета перестала летать по баллистической кривой, убрали кольцо со стабилизаторов, все равно летать нормально «не хотела», пришлось изменить углы нарезов и закрутить ее сильнее, придать стабилизаторам стреловидность и поставить их под углом к оси. Баллистика вернулась, а мы поняли проблему: сильное уплотнение в носовой части и на выступающих частях. Настолько сильное, что имевшихся углов закрутки не хватило, ракета начала стремиться перевернуться в воздухе, как будто ей в головную часть свинца насыпали или урана. «Тяжелый нос».

– Как вы сказали? «Тяжелый нос»? – переспросил незнакомый человек, находившийся в кабинете директора.

– Представьте, пожалуйста.

– Начальник ОКБ-55 Бисноват Матус Рувимович, главный конструктор проекта «302». Это ракетная и реактивная техника.

– Адмирал Станкявичус, зампред ГКО. Да, «тяжелый нос», его создает воздух.

– Мы это называем уводом в пикирование. Но ваше определение короче и более емкое. Вы закрутили ракету, для чего?

– Чтобы с помощью центробежной силы бороться с кувырканием, как в артиллерии. Снаряды ведь летают примерно на такой скорости, и летят, не кувыркаются.

– А почему отказались от элеронов?

– Крыло у нас складное и служит исключительно для со-

здания подъемной силы. Стабилизирует ракету гироскоп. Время полета короткое, и прецессией можно пренебречь. Плюс горизонтальные стабилизаторы имеют относительно большую площадь и асинхронны, не связаны между собой жестко. Крен, если он возникает, компенсируется этой самой «дельтой» в угле правого и левого руля глубины. Проблему с уплотнением на рулях направления решили за счет симметрии, ракета имеет два киля, верхний и нижний. Тоже цельноповоротные, но на прямых участках используются только триммеры. Этого хватает.

– А что за странный способ наведения? – спросил директор ЦАГИ.

– Товарищ Шишкин, в этом способе нет ничего странного. Таким образом ходят в море, уже много тысячелетий. По счислению. А я еще и подводник. Вот эта вот звездочка у меня за разгром флота открытого моря Германии с помощью одной подводной лодки и 10 боевых пловцов. Так вот, подводная лодка управляется вслепую, с помощью счисления. И мы идем по маршруту, и приходим из точки А в точку Б, обходя все опасности. В небе ориентироваться несколько проще, тем более с помощью радиоволн. Ракета может и передает счислимо-обсервованное место оператору, и тот может внести ей поправки на ветер и давление. То есть сменить направление и высоту, в случае ее отклонения от маршрута. А может идти по маршруту автоматически, внося эти поправки самостоятельно, с обязательным проходом через кон-

трольные точки маршрута. На последнем участке она управляется системой самонаведения, двухосевым радиолокатором. Один работает вниз, второй вперед. Определяется дистанция и направление до цели, и высота. Программируемую систему управления создали товарищи Лебедев и Келдыш. Оба – прекрасные математики. Главное их изобретение: это – вычислитель, связанный с приемо-индикаторами РНС.

– И как им это удалось?

– Решить навигационные задачи? Ну я же их решаю, эти уравнения известны. Их принципы известны, консультировал их не я, а адмирал Берг. Вы ведь хотели спросить об этом? Этими приемами владеет любой штурман в море, а с недавних времен и некоторые штурмана морской авиации СССР. Я вычислителями не занимался, я попросил их сделать для решения навигационных задач. Считаю, что в дальнейшем, по мере совершенствования вычислительной техники, мы перестанем даже задумываться о том, что можно выпускать самолеты и ракеты без нее. Ручное управление постепенно умрет, передав все автоматам. Тот же маршал Голованов моментально ухватился за эту идею. Так ведь, Александр Евгеньевич?

– Само-собой, Сергей Иванович! Зачем лезть в пекло, терять людей и машины, когда можно взять такую железяку, подвести ее чуть поближе к противнику, нажать кнопку «Пуск», и отвернуть домой, за следующей. Важен не «подвиг», важен результат.

– Противник, рано или поздно, научится их сбивать, и придется...

– Значит будем придумывать каким образом обмануть противника. Уйдем под горизонт, чтобы локаторами не достали, выбросим помехи, создадим ложные цели, еще увеличим скорость, начнем производить противозенитный маневр. Воевать надо головой, а не руками, и думать ей, а не задницей. – перебил я мрачного Шишкина. – А чего вы такой мрачный? Ракета летает, маневрирует, преодолела так называемый «звуковой барьер», установила рекорд скорости. Кстати, попала в мишень с дистанции 580 километров с нулевым отклонением. Что вас не устраивает? То, что не вы это сделали? Имея целый институт сотрудников. Кресло у вас, конечно, удобное, но с головой легкие проблемы, чтобы заставлять сотрудников писать такие пасквили на заместителя председателя ГКО. Я нахожусь на своем месте, мне поручили, все правительство, при одном воздержавшемся, заниматься вопросами, которыми я занимаюсь. Мы провели успешные испытания, нас наградили и дали небольшой отпуск, а на нас донос написали три человека, которые никак не могли решить вопрос преодоления якобы барьера. Да, на этих скоростях воздух перестает сжиматься, поэтому требуются острые кромки, чтобы его резать. Для этого нужна труба. В Германии, говорят, она есть. Немцы тоже преодолели звуковой барьер. А вот крылатые ракеты они делать так и не научились.

– По моим сведениям, все самолеты у них дозвуковые. – сказал Бисноват. – Только ФАУ-2 летает быстрее звука, жидкостная ракета. ФАУ-1 англичане научились перехватывать и сбивать. Говорят, что просто крылом переворачивают. Там, как у вас, гироскоп следит за креном.

– Наверное. Так проще.

– Вы ее не видели? Англичане нам ее передали, а НИИ ВВС приказал ее скопировать. Но оказалось, что весь наш отдел и все КБ выполняло пустую работу.

– Увы, у меня шесть спецкомитетов, и основное направление – флот, но если вы занимаетесь ракетами, то спецкомитет № 2 занимается именно средствами доставки. В частности, Р-700 проходила под эгидой и финансированием этого комитета, именно как средство доставки спецбоеприпасов. А почему вы не подали заявки по своей теме.

– Писал, отказали. Завернули еще в Авиапроме. Они не хотят отдавать мою тему. Ваша ракета, конечно, лучше немецкой. И перехватить ее сейчас никто не сможет. Но она слишком дорогая.

– Это пока. Как только прибористы наладят серийный выпуск вычислителей и других приборов, так цена пойдет вниз, ничего особо сложного в нем нет. Требовалось только доказать, что он нужен. Мы это сделали. Четвертый спецкомитет получил это задание.

Тему у Бисновата, естественно, закрыли, КБ сменили номер, оставив начальником Матус Рувимовича, и занялся он

крылатыми ракетами берегового базирования. К тому времени мы имели осевые ТВРД. С ним мы имели отличные отношения. А вот Шишкина я зря пугнул, у него оказалось много связей в НКВД, за счет чего он и сидел в этом кресле, и первое, что он сделал, это написал на меня второй донос. Но об этом позже.

Одного пуска для прохождения Государственных испытаний хватило. Нам засчитали пуски в Ахтубинске. Ракету поставили на поток, но не в Казани, а в Саратове, на «Саркомбайне», сняв его с производства истребителей.

Прошло два дня и мне доложили, что готовы четыре полусферы высокообогащенного урана, которые перевезли в Арзамас-16 для окончательной сборки, а из Озерска пришло сообщение о «240-й» заднице. Я знал, что так будет, но не мог об этом говорить. Почти все материалы, способные делиться, кроме урана-235, создаются искусственно, в реакторах-бридерах, и обладают повышенным нейтронным фоном. Плутоний-239 и плутоний-240 отличаются наличием одного лишнего нейтрона, и двести сороковой распадается, выпуская этот нейтрон. Все хорошо, но если использовать «пушечную схему» сборки, то вместо взрыва мы получим «пук». Но установить это можно только имея солидное количество этого материала. Мне говорить об этом, до получения металлического плутония в килограммовых масштабах, было нельзя. Его критическая масса гораздо меньше урана, он «удобен» для оружия, но требуется использовать более сложный

процесс: имплозивный взрыв, который резко сожмет плутоний, изменив его плотность, и докритическая масса станет закритической. Имплозия бывает объемной и линейной. Линейная схема требует использовать поглотители нейтронов, а перед взрывом их нужно извлекать. Объемная чуточку проще, но тоже требует новых материалов. Пришлось ехать в Кремль. На все упреки Сталина я ответил одним доводом:

– Товарищ Сталин, откуда мы могли это знать? Мы впервые получили этот элемент, изучаем его свойства. Хорошо, что «пука» не случилось.

– Вот как раз пук, товарищ Станкявичус, вы сделали, прилюдно.

– Там другой «пук», гораздо хуже, неполный взрыв, с огромным нейтронным фоном. В любом случае можно объявлять об испытаниях. Две боеголовки собираются, будут готовы через несколько часов.

– Сбоев не будет?

– Нам еще место для испытаний требуется подготовить, свезти туда немецкую технику, подопытных животных и тому подобное.

– Вместе с Василевским подготовьте и доложите.

– Есть. – хмуро ответил я, всячески демонстрируя плохое настроение. На самом деле я радовался! Я больше всего опасался «пука», хотя Курчатову я высказывал эти опасения, и он учитывал их в работе. Но, это были не более, чем предположения, что он, скорее всего, будет фонить. О механизме

этого явления я молчал, как рыба.

Самолет в Лондон вылетел немедленно. Сталин пригласил представителей только Англии. Он тоже хитрил, ведь американцы не делились этой информацией с ни с ним, ни с Черчиллем. Уран у нас получалось разделять лучше, пока, чем работать с плутонием. Мы освоили все пять способов разделения и даже изобрели шестой: «метод Арцимовича», с помощью которого и был реализован проект нашего БР-1. Основные средства были вложены в строительство обогачительных комбинатов: двух урановых и пока одного плутониевого. Газодиффузионный завод в Свердловске-44, электромагнитный в Свердловске-45 и плутониевый в Челябинске-40 или Озерске. Всем этим добром поделились с нами авиастроители. Выбирали заводы с высокой культурой производства. И на 44-м и на 45-м было по одному цеху с газовыми центрифугами, в дальнейшем все производство перейдет на них. Полигон я предложил создать на Новой Земле. Аэродром там был сделан и мог принимать самолеты в конце 1942 года. Порт есть, доставить немецкую технику было возможно. Прямо от Сталина я направился в Генштаб, где более двух часов я сначала рассказывал о новом оружии его начальнику, затем мы говорили о мерах безопасности, необходимых для выбора места полигона, и о тех задачах, которые хочет решить Верховный, демонстрацией данных испытаний.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.